

СЬЮЗАН ДЕННАРД

К О Д
М А Г И И

В И Д Я Щ А Я И С Т И Н У

Код магии

Сьюзан Деннард

Видящая истину

«АСТ»

2015

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сос)-44

Деннард С.

Видящая истину / С. Деннард — «АСТ», 2015 — (Код магии)

ISBN 978-5-17-089073-6

В Колдовских землях некоторые рождаются с колдовским даром, отличающим их от других. Разновидностей магии здесь почти столько же, сколько способов угодить в беду. Сафи владеет магией Истины, позволяющей отличить истину от лжи. Многие готовы на что угодно, лишь бы заполучить ее – ту, которая видит Истину. И Сафи приходится скрывать свой дар, чтобы не стать пешкой в борьбе империй.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сос)-44

ISBN 978-5-17-089073-6

© Деннард С., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	24
Глава 5	34
Глава 6	41
Глава 7	50
Глава 8	61
Глава 9	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Сьюзан Деннард

Видящая истину

Susan Dennard

Truthwitch: A Witchlands Novel

© Copyright 2015 by Susan Dennard

© О. Грушевская, перевод на русский язык

© ООО «Издательство «АСТ», 2016

Глава 1

Все пошло наперекосяк.

Тщательно разработанный Сафией фон Хасстрель план ограбления рухнул.

Во-первых, мастер Золотой гильдии Йотилуцци отбыл на четверть часа раньше ожидаемого, а во-вторых, его сопровождала городская стража. Солдаты, выстроенные в шесть идеальных шеренг, блестели от пота, а полуденное солнце било им в глаза, пока они маршировали за черным закрытым экипажем мастера.

А в-третьих – и это было самое ужасное, – Сафи и Ноэль некуда было деваться. Пыльная, выющаяся по известняковому ложу дорога оставалась единственным путем в университет и обратно. Хуже того: вдоль дороги не было ничего, кроме бирюзового далмоттийского моря, в которое спускалась семидесятифутовая скала, источенная беспощадным ветром и еще более беспощадными волнами.

Конечно, Сафи и Ноэль могли бы дождаться, пока мастер и его охрана пройдут мимо. Возможно, им бы даже удалось убежать. Но когда стража дойдет до закопанных пороховых зарядов и те взорвутся... Уж тогда эта стража наверняка прочешет каждый дюйм дороги до самого города. А то и дальше.

Сафи схлопнула подзорную трубу.

– Вот же черт. По четыре стражника в шеренге. Четырежды шесть... – Сафи поморщилась. – Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать...

– Двадцать четыре, – вкрадчиво подсказала Ноэль.

– Двадцать четыре трижды проклятых охранника с двадцатью четырьмя трижды проклятыми арбалетами. – Сафи застонала и принялась болтать правой ногой. – И две тысячи бронзовых пиастров отделяют нас от Сотни островов.

– Мы знали, что охрана будет.

– Но их на двадцать больше, чем мы думали, – пробормотала Сафи, все быстрее болтая ногой.

Ноэль только хмыкнула и откинула капюшон своего коричневого плаща. Солнце светило ей в лицо. Девушки были совсем разные: черноволосая, белокожая и кареглазая Ноэль была противоположностью Сафи, смуглой и голубоглазой, с пшеничной копной волос. Сафи снова припала к подзорной трубе, затем передала подруге трубу и утерла лоб. Пот тек с нее, как с марстокийской ведьмы Огня.

Прильнув грудью к скале, Ноэль повторила позу Сафи. Морской бриз играл выбившимися из косы прядками темных волос. Где-то вдали раздавался противный крик чайки: кай, ка-ай, ка-а-а-а-й!

Сафи ненавидела чаек: они вечно гадили ей на голову.

– Еще стража, – пробормотала Ноэль. Шум волн почти полностью заглушал ее слова. Она повысила голос:

– Еще двадцать стражников приближаются с севера.

На секунду у Сафи сбилось дыхание. Даже если бы им каким-то образом удалось расправиться с двадцатью четырьмя охранниками мастера Йотилуцци, эти двадцать не дадут им сбежать.

Сафи виртуозно выругалась.

– Будьте трижды прокляты, чтоб вас перевернуло и шмякнуло. Ноэль, как думаешь, это засада?

Она сдвинула назад капюшон.

– Думаю, это режим повышенной безопасности. С концом перемирия ситуация обострилась.

Ноэль резко обернулась к Сафи.

– У нас есть два варианта. Либо мы возвращаемся к...

– Через сгнивший труп моей бабушки, – процедила Сафи.

– Либо пробуем прорваться. Мимо южной стражи и прямо за мастером Йотилуцци.

– Но деньги...

– Да брось, Саф.

Лицо Ноэль было бесстрастным и ничего не выражало. Волнение выдавал только подергивавшийся кончик длинного носа.

– Денег мы не достали и на корабле до Сотни островов завтра не отправляемся. Надо найти другой способ обойти требования твоего дяди.

Хмурясь, Ноэль поправила на бедре деревянные ножны.

Как и Сафи, Ноэль носила традиционную аритванскую одежду: свободные черные штаны, заправленные в высокие ботфорты, тунику, перехваченную на бедрах ремнем, и коричневый плащ с капюшоном, спадающий до колен. Эта простая одежда была характерна для Аритвании с тех пор, как столетие назад республика погрязла в анархии. Теперь это был край разбойников, которым нравилось время от времени устраивать набеги на империю Далмотти.

Мустеф, их учитель, всегда говорил: правой рукой дай человеку то, чего он ждет, а левой срежь его кошелек.

Потенциальные жертвы Сафи и Ноэль были наслышаны о свирепости аритванских разбойников, так что, пока эти несчастные дрожали бы от ужаса и умоляли о пощаде, девушки могли поживиться всеми деньгами, что успеют найти.

По крайней мере, таков был план. В действительности же все покатилося к чертям.

– Если мы поторопимся, – продолжала Ноэль, наконец-то проявив признаки нетерпения, – успеем догнать южных стражников раньше, чем они доберутся до зарядов. Тогда нам останется только разыграть спектакль до конца. Так что пошли.

Сафи не нужно было уговаривать – понятно ведь, что она пойдет, но она сдержалась и не стала огрызаться. Ноэль не в первый раз вытаскивала их из беды.

Ноэль прыгнула на пыльную дорогу и отряхнула ладони, подбодрив взглядом Сафи. Та проворно спустилась следом.

– Если мы измажем лица грязью и немного перекроим нашу одежду... – Сафи сдернула с себя плащ, чтобы показать, что она имеет в виду. Затем парой быстрых движений ножа отрезала капюшон.

– Юбка. – Она потрясла плащом. – Косынка. – И капюшоном.

Ноэль кивнула и без всякого выражения буркнула:

– Мило.

Она прекратила чистить руки от грязи и принялась втирать ее в кожу лица.

Тем временем Сафи порезала и плащ Ноэль. Затем обе они повязали получившиеся косынки и закрепили юбки на поясе, хорошенько спрятав ножны.

Еще полминуты ушло на то, чтобы испачкать щеки Сафи, и вот уже обе девушки были готовы. Сафи критически осмотрела Ноэль, но маскировка была что надо. Ее сестра по Нити выглядела как настоящая аритванская крестьянка, отчаянно нуждающаяся в ванне.

Не медля, Сафи почти бесшумно вышла из-за угла и облегченно вздохнула. Между стражей и закопанными зарядами оставалось еще тридцать шагов.

Сафи неуклюже помахала солдатам. Усатый стражник, возглавлявший отряд, заметил ее и поднял руку. Остальные резко остановились. Потом, один за другим, они нацелили свои арбалеты на девушек.

Сафи притворилась, что не замечает угрозы, и, достигнув кучки гравия, которой была отмечена ловушка, легко через нее перескочила. Следом и Ноэль совершила такой же почти незаметный прыжок.

Усатый стражник поднял арбалет.

– Стоять.

«Стоять». Сафи чуть не скорчила гримасу. Как это типично: никогда не говорить «остановитесь» или «подождите, пожалуйста». Всегда – «стоять».

Но она повиновалась, постаравшись загребать ногами как можно больше земли.

– Онга? – спросила она, что по-аритвански означало «да?».

– Вы говорите по-далмоттийски? – Начальник стражи посмотрел на Сафи, затем на Ноэль.

Ноэль неуклюже остановилась около Сафи.

– Мы хофорить. Немношк.

Такого кошмарного аритванского акцента Сафи еще не слышала.

– У нас проблемы? – Сафи подняла руки в понятном жесте покорности. – Мы фсего лишь идем ф хород. Ф Онтихуа.

Ноэль неестественно закашлялась, и Сафи захотелось ее придушить. Неудивительно, что их жертв обычно отвлекала Сафи, пока Ноэль срезала кошельки.

– Кажется, у нее чума, – поспешила сказать Сафи, прежде чем Ноэль принялась снова изображать кашель. – Ну, или обычная простуда, – поправилась Сафи. – Но три больших мужчин фон там, – она неопределенно махнула рукой назад, – хофорили: тут чума. Мы испугаться. Решили, надо хородской фрач. Только мой сестра может смотреть за нашими козами, онга? Я не...

– Трое больших мужчин? – прервал ее стражник. – Где?

Сафи прищурилась. Он и вправду поверил?

– На офчарне. – Она кивнула стражнику. – Я знаю, что там были фелиа – офцы, – помню запах.

Ноэль еще раз кашлянула – да так убедительно, что Сафи подпрыгнула, – а затем приковыляла к ней.

– Ох, тебе нужен фрач. Пойдем, пойдем. Дай-ка, сестричка тебе поможет.

Начальник стражи обернулся к своим людям.

– Надо найти овчарню. И троих больших мужчин. – Опустив арбалет, он посмотрел на Сафи. – Как они выглядели?

– У них были, э-э-э... Как это у фас называется? Черные штуки на лицах. Бороды? – Сафи ухватила Ноэль под мышки. – О, и у них были мечи. Да-да. Большие мечи.

Она повела Ноэль к стражникам, которые отпрянули от ее внезапного приступа кашля.

Начальник пропустил их, уже отдавая приказы:

– Половина отправляется прочесывать холмы, чтобы найти овчарню. Остальные сопровождают мастера гильдии.

Девушки поплелись дальше, минуя стражников, сморщивших носы. Никто не хотел подхватить от Ноэль «чуму». Девушки как раз поравнялись с черным экипажем мастера гильдии, когда его дверца широко распахнулась. На нее оперся дряхлый старик в алом одеянии. Кожа на его лице была обвисшая и морщинистая.

А солнечный луч играл в сапфире перстня на правой руке мастера Йотилуцци – таком глубоко-синем, что он казался почти черным. Ноздри Сафи раздулись. С деньгами у них сегодня не выгорело, но одно это кольцо могло покрыть расходы в две тысячи пиастров на завтрашний корабль. Осталось бы даже на оплату пары недель проживания на постоялом дворе, пока они не найдут себе новый дом на берегу бирюзового моря, на тропических пляжах Сотни островов.

Сафи остановилась как вкопанная. С такого расстояния она видела все пигментные пятнышки на лице мастера гильдии.

– У фас так много стражи, – сказала Сафи. – Должно быть, фы фажная персона.

Она опустила голову.

– Ф Аритфании мы склоняем голофы перед... Как это у фас называется? Начальством.

Краем глаза она увидела, что Ноэль тоже поклонилась и сделала предостерегающий жест.

Но стража все еще строилась, так что Сафи притворилась, что не заметила предостережения. Они нуждались в этом кольце. Если они не отплывут на корабле к Сотне островов, им ни за что не справиться с дядей Сафи и с его охраной.

Сафи подняла голову и потянулась к скрюченной руке мастера Йотилуцци.

– У нас еще принято целовать руку начальстфу, – пробормотала она. – Могу ли я, фаше... фаше фысокопочтение?

Мастер гильдии усмехнулся. Он был польщен.

– Конечно, можешь, крестьяночка. Конечно.

Он протянул руку, и Сафи принялась мысленно составлять список всех богов, богинь и идолов, которым она вознесет хвалу, когда дело будет сделано. Это кольцо! Этот сапфир!

Но волнение взяло над ней верх. Схватив старика за руку, она сжала ее слишком сильно.

Мастер гильдии застыл.

– Продолжаем движение! – крикнул начальник стражи. Захрустел гравий, загрохотали шаги.

Мастер гильдии попытался отнять руку, Сафи запаниковала. Она дернула за кольцо – сильно – но суставы на пальцах старика слишком распухли. Кольцо не поддавалось.

Сафи охватил ледяной ужас.

Она дернула снова, но теперь и мастер отдернул руку и закричал:

– Ведун! Ведун, ко мне!

Ноэль схватила Сафи за локоть и оттащила ровно в тот момент, когда к ним метнулась фигура, обогнувшая экипаж сзади.

Белоснежный капюшон был низко надвинут, но развевающийся плащ не мог скрыть ни черной кожаной перевязи с ножом на груди, ни меча на бедре. Это был каравенский монах – с детства наученный убивать.

Сафи среагировала мгновенно – как и монах. Отбросив подол юбки, она выхватила нож. Монашеский меч со свистом скользнул из ножен. Она встретила меч ножом, отклонила его в сторону.

Монах восстановил равновесие и бросился на нее. Сафи отпрянула. Ноэль ударила Сафи под колени и тут же присела, чтобы та перекатилась по ее спине.

Начинай и доводи до конца. Под этим девизом они жили и так же дрались.

Сафи выпрямилась после кувырка и отдернула меч в ту же секунду, когда Ноэль звякнула изогнутыми клинками. Ноэль полоснула по груди монаха. Тот запрыгнул на колесо экипажа, но только для того, чтобы сразу обрушиться на Сафи.

Та проворно откатилась в сторону.

А где-то далеко позади стражники угодили в западню.

Бах-бах-бах-бах! – рвался порох в зарядах. Крики звучали все громче, лошади брыкались и ржали, до поры заглушая отзвуки взрывов...

Пока грохот новых взрывов не перекрыл все.

Вообще-то Сафи задумывала этот маневр как отвлекающий, но в итоге лишь увидела стремительно приближающееся лицо монаха и красные вихри вокруг его зрачков.

Но это было невозможно. Красное в глазах означало, что... Нет.

Сафи резко пригнулась и отпрянула в сторону, а на пути монаха тут же возникла Ноэль. Ее клинки так и мелькали, пока она полосовала его руки, грудь и живот – а затем так же стремительно отступила.

Сафи ждала. Происходящее не могло быть реальностью, однако раны на теле монаха тут же заживали прямо на глазах.

Ведун крови.

Этот монах был трижды проклятым Ведуном крови, явившимся прямиком из легенд. Демоны Пустоты существовали, и один из них стоял здесь, всего в нескольких шагах.

Тогда Сафи сделала единственное, что ей оставалось: метнула нож прямо ему в грудь.

Оружие с хрустом проникло в грудную клетку и глубоко вошло в сердце. Монах пошатнулся и упал на колени. Его красные глаза были прикованы к Сафи. Рот скривился. Рыча, он выдернул нож из груди. Рана закровоточила...

И начала затягиваться.

– Я... Найду тебя, – прохрипел он. А потом с усмешкой добавил: – Ведьма истины.

У Сафи не было времени для еще одной атаки. Так же, как не было времени понять, как он узнал о ее магических способностях или как, черт побери, он сможет ее найти. Стража возвращалась. Мастер гильдии Йотилуцци заверещал в своем экипаже, и лошади взяли с места в галоп.

Ноэль метнулась, заслонив Сафи, и успела отбить пару стрел клинками. На какое-то время экипаж заслонил девушек от стражи. Их было видно только ведуну, но, хоть он и дотянулся до оружия, движения его были скованы: магия исцеления забрала все его силы.

Сафи побежала, и Ноэль помчалась за ней. По крайней мере, *это* было частью их плана. По крайней мере, *это* они отработали с Хабимом так, что могли бы повторить с завязанными глазами.

К тому моменту, как по дороге защелкали первые арбалетные стрелы, девушки поравнялись с валуном по пояс высотой, лежавшим около дороги со стороны моря.

Оружие было вложено в ножны. В два прыжка Сафи оказалась за валуном, а за ней и Ноэль. С другой стороны скала спускалась прямо в бушующие пенистые волны.

Их дожидались две веревки, прикрепленные к надежно вкопанному столбику. С удвоенной скоростью и энергией Сафи схватила одну из веревок, продела ступню в петлю на конце...

...И прыгнула.

Глава 2

Воздух свистел у Сафи в ушах, не давая вздохнуть, пока она летела с семидесятифудовой скалы напрямик в бурные пенистые волны.

А потом веревка кончилась, и Сафи резким рывком бросило на поверхность скалы, поросшую ракушками.

Это было довольно болезненно.

От удара она прикусила язык – и вот это уже было по-настоящему больно. Боль пронизывала тело. Известняк резал руки, лицо и ноги. Она ухватилась за скалу, и в тот же момент рядом с ней в камень врезалась Ноэль.

– Гори, – прохрипела Сафи. Заклинание потонуло в шуме моря, но сработало. Веревки мгновенно охватило белое пламя...

И они исчезли. Пепел был тут же подхвачен ветром, осталось лишь несколько пятнышек на плечах и капюшонах.

– Хвала Ведьмам огня, которые продают... – начала Сафи.

– Шевелись, – буркнула Ноэль.

– Я и так, – огрызнулась Сафи.

– Недостаточно быст... Стрелы! – Ноэль прижалась к камню, и стрелы пролетели мимо. Некоторые скользнули по скале, другие посыпались в море.

Одна разрезала капюшон Сафи.

– Шевелись! – закричала Ноэль, но Сафи не нужно было уговаривать. Подтянувшись, она вцепилась пальцами в трещины и нащупала опору. Мускулы напряглись и дрожали, а Сафи карабкалась, цеплялась и наконец забралась наверх.

Нырнув под небольшой выступ в скале, она оказалась вне досягаемости для пролетающих мимо стрел. Скала была мокрой, а ракушки больно царапались, но Сафи рухнула плашмя, положив голову на камень, и хватала ртом воздух.

Ноэль сделала то же самое, но не переставала коситься на океан.

Вода окатила ступни. Каждая волна обрушивалась на девушек с грохотом. Их снова и снова осыпало солеными брызгами. А затем стрелы перестали падать.

– Они приближаются? – прохрипела Сафи.

Ноэль покачала головой.

– Они все еще там. Я вижу их Нити ожидания.

Сафи попыталась сморгнуть соленую воду, попавшую в глаза.

– Нам придется поплавать, да? – Она вытерла лицо о плечо, но это не очень помогло. – Думаешь, мы доберемся до пещеры?

Обе они отлично плавали, но при таком шторме это не имело значения.

– Выбора-то нет, – ответила Ноэль. Этот ее яростный взгляд всегда придавал Сафи сил. – Мы можем швырнуть влево свои плащи, и пусть стража стреляет по ним, пока мы нырнем справа.

Сафи кивнула и, поморщившись, наклонилась, чтобы снять плащ. Когда обе разделись, Ноэль размахнулась.

– Готова? – спросила она.

– Готова. – Сафи метнула ком ткани. Ее плащ вылетел из-под выступа, а за ним и плащ Ноэль.

А потом обе оттолкнулись от скалы и нырнули в волны.

* * *

Нозль де Миденци сбросила намокшую тунику, сапоги, штаны, а затем и белье. Теперь болело все тело. Под каждым снятым предметом одежды обнаруживался десяток новых порезов от известняка и ракушек, а соленая вода щипала эти раны.

Пещера была отличным укрытием, но во время прилива выбраться оттуда было невозможно. Нозль и Сафи нашли это место лет пять назад. Хабим, телохранитель, приставленный к Сафи во времена ее школьной учебы, взял девочек на рыбалку (и, конечно, на голову Сафи нагадила чайка). Нозль заметила небольшое отверстие в скале. Тогда было время отлива, и девочки решили сходить на разведку.

Пещера была не больше дортуара, зато округлый свод, выглаженный волнами за тысячелетия, поднимался высоко. Внутри светило солнце, а на полу играл клочьями морской пены ветер.

– Прости, – сказала Сафи. – Ее голос звучал приглушенно из-под мокрой туники, которую она стаскивала через голову. Когда одежда была снята, слова раскатились громким эхом. – Я сглупила, польстившись на кольцо. Прокляни меня Инан, я была дурой. – Она отшвырнула тунику на каменный выступ и обхватила себя влажными руками. Ее обычно смуглая кожа побледнела, сильнее проступили веснушки.

Да и ран было не меньше, чем у Нозль. Хотя Нозль была ненавистна мысль о том, чтобы вернуться в дортуар за целебной мазью, это все же было лучше, чем изумленные взгляды, ожидавшие их завтра в городе.

Если, конечно, они доберутся до своего дортуара и вообще до города.

– Не извиняйся, – пробормотала Нозль. Она собрала мокрую одежду и поплелась к ближайшему сухому клочку пола, освещенному солнцем. Выжав и разгладив каждую вещь, она разложила их сушиться.

Тем временем Сафи прыгала на одной ноге, пытаясь содрать с себя штаны, а заодно и сапоги. Это была ее обычная манера раздеваться, и Нозль каждый раз поражалась, как девятнадцатилетней девице не хватает терпения снять одежду по-человечески.

– Я бы остановила тебя, если б захотела, – добавила Нозль, полностью закончив с собственными вещами. – Я бы тебя оттащила. Но вместо этого ждала и надеялась, что твой фокус с кольцом удался.

Сафи утвердительно промычала.

– Как думаешь, нас будут искать? – спросила она, победив штаны и небрежно отбросив их на каменный выступ.

– Конечно же, будут. – Нозль присела на корточки в потоке солнечных лучей. Ее прикрытые веки затрепетали; она наслаждалась теплом, окутывающим кожу. – За нами пошлют всю онгтиуанскую стражу.

– А еще... – Сафи говорила необычно мягко и нерешительно. – А еще Ведуна крови.

Ведун. Крови. Ведун. Крови. Слова бились в такт сердцу Нозль. В такт ее пульсу.

Она никогда раньше не видела Ведуна крови, и вообще никого, кто бы владел магией Пустоты. В конце концов, демоны Пустоты были всего лишь частью легенд, их не существовало на самом деле. Они не охраняли мастеров гильдий и не нападали с мечом.

Нозль знала, что со стороны кажется – она лежит спокойно, но понимала: если бы можно было увидеть Нити, обвивавшие сейчас ее сердце – как она видела Нити Сафи, – среди них можно было бы насчитать тысячи оттенков панического оранжевого и испуганного серого.

Но Нозль была ведьмой Нитей. Свои собственные ей были не видны, так что эмоции не могли взять над ней верх.

Когда в девять лет впервые проявилась ее ведьмовская сущность, она почувствовала страшную тяжесть на сердце.

На нее обрушился вес миллионов Нитей, ни одна из которых ей не принадлежала. Она знала, что чувствует каждый человек каждую минуту каждого дня. Оттенки их Нитей скручивались и объединялись в эмоции. Вместе с новыми отношениями отрастали новые Нити.

Куда бы ни смотрела Ноэль, повсюду она видела выросшие, переплетенные и разорванные Нити. Но своих собственных не видела никогда. Она не знала, каким узором воткана в этот мир.

Как и любая номацийская ведьма Нитей, Ноэль научилась сохранять голову холодной. Руки ее были тверды и не знали дрожи. Она научилась игнорировать эмоции, которые владели всем остальным миром.

Однако за те семь лет, что она знала Сафи, Ноэль стала доверять ее ярким разноцветным Нитям. Зачем разбираться в своих ощущениях, если можно взглянуть на Нити Сафи и знать, что положено чувствовать? К тому же она действительно чувствовала то же самое – их души были переплетены. Сафи была ее сестрой по Нити, в конце концов.

У некоторых людей было несколько братьев и сестер по Нити, у других – не было совсем. У последних дружба никогда не переходила той границы, за которой переплетенные Нити принимают густо-коралловый оттенок, означающий тесную родственную связь, и образуют плотный покров, один на двоих.

– Он знает, что я – Ведьма истины, Ноэль. – Сафи устала на свои сапоги, а затем резким движением сорвала правый. – Должно быть, он учуял это в моей крови. Разве не об этом говорится в легендах? Он учуял меня... и теперь сможет найти.

– Значит, он учуял и меня тоже, – ответила Ноэль. – Возможно, он ищет нас прямо сейчас. – По ее спине пробежал холодок. Плечи вздрогнули. Но это был не просто страх. Этот холод был опустошающим. И тяжелым.

«Разочарование», – подумала она. Разочарование, что каравенский монах оказался демоном. С тех пор как монахи спасли жизнь Ноэль, когда та была ребенком, она была увлечена каравенцами. Их чистые одежды и сверкающие опаловые серьги, их смертельные приемы и священные обеты – все это выглядело таким простым. Таким сдержанным. Независимо от происхождения, любой мог прийти в монастырь и быть принятым. Мгновенное принятие и уважение.

Но этот ведун Крови... Почему монастырь принял его? Принял это существо?

Потянувшись, Ноэль встала и побрела к запасному ранцу в глубине пещеры, рядом с которым были сложены ножны и пояса. Под сменной одеждой и флягами с водой она нашла две тряпки и тюбик ланолина. Затем взяла оружие и пошла обратно к Сафи, которая до сих пор вертелась в оставшемся сапоге.

Ноэль отдала Сафи ее меч и нож с болтающимся кожаным ремнем.

– Почисти оружие и помоги мне составить план. Мы должны вернуться в Онтигуа.

Сафи стянула второй сапог и бросила его рядом с одеждой. Потом взяла клинки, и обе они устроились на жестком полу, скрестив ноги. Ноэль втянула носом знакомый запах оружейной смазки и принялась чистить первый клинок. Сафи тихо спросила:

– Как выглядят Нити Ведуна крови?

– Я не обратила внимания, – буркнула Ноэль. – Все произошло так быстро.

Она еще сильнее стала тереть сталь, равномерно распределяя ланолин, чтобы защитить от ржавчины великолепные марстокийские клинки – подарок Хабима.

– Вот же черт, – простонала Сафи. – Я все испортила, Ноэль. Завтра капитан не пустит нас на корабль без денег, а если мы не окажемся на корабле... – Она не закончила, но в этом не было необходимости. Ноэль прекрасно знала, что та хотела сказать.

«Если мы не окажемся на корабле, как избежать вызова от дяди Сафи в город Венъязу?»

Вызов пришел вчера. В очень своевременном письме дядя Сафи приказывал ей сестре на корабль в течение следующих двух дней и присоединиться к нему в Веньязе. «Если ты не подчинишься, – говорилось в послании, – я распоряжусь, чтобы городская стража доставила тебя в оковах».

– Дядя Эрон будто знал, – сказала Сафи, протирая смазанный меч, – будто знал, что мы собрались на юг.

– Этого не может быть. – Ноэль пришлось повысить голос, чтобы перекрыть шум внезапно накатившей волны. Капли воды упали на ее кожу и рассыпались бисером по свежесмазанной стали. – Мы никогда не говорили ни Хабиму, ни Мустефу о своем плане, так откуда Эрон мог узнать?

На протяжении последнего семестра они копили деньги, чтобы покинуть Онтигуа и университет. После восьми лет учебы Сафи должна была вернуться на родину, в поместье Хасстрель, и взять на себя обязанности доньи – руководить замком, землями и людьми. Девушкам предстоял еще один год обучения, но диплом, какой бы ценностью ни обладал он для Ноэль, не стоил того, чтобы потерять Сафи.

Так что, когда шесть месяцев назад по предложению Сафи они начали использовать свои навыки обмана и способности к игре в таро, Ноэль не видела причин возражать. При всех привилегиях, которые полагались Сафи благодаря титулу, лишних денег у нее не было, а дядя мог что-то заподозрить, если бы она обратилась к нему за помощью.

Даже когда Сафи предложила полномасштабное ограбление мастера далмоттийской Золотой гильдии, Ноэль была слишком счастлива, чтобы отказаться. Когда-то давно она пообещала себе никогда, никогда не становиться у Сафи на пути. Как еще она могла отблагодарить Сафи за все, что та сделала? Всем, что она имела, Ноэль была обязана Сафии фон Хасстрель. Драться она научилась у телохранителя Сафи, Хабима. Благодаря Мустефу, брату Хабима по Нити, у нее была настоящая оплачиваемая работа посудомойки. И вся эта прекрасная одежда и оружие Ноэль были подарками от Сафи, Хабима и Мустефа.

Что еще важнее, Ноэль знала, как это – когда тебя и твои магические способности используют. Когда твоя семья воспринимает тебя лишь как инструмент. Сафи была Ведьмой истины. Она умела отличать правду от лжи, а реальность от иллюзии – хоть и не всегда. Если кто-то верил во что-либо достаточно сильно, Сафи не могла распознать ложь.

Тем не менее, она обладала невероятно мощной магической силой, которую всю жизнь скрывала. Только Ноэль, Хабим, Мустеф и Эрон знали, кто такая Сафи на самом деле.

«А теперь, – думала Ноэль, снова возвращаясь к оружию, – это знает и ведун Крови».

Но накопленные пиастры и переезд на юг должны были избавить Сафи от кабалы, так что решение Ноэль – помогать ей всеми силами – осталось неизменным.

– Может быть, – грустно сказала Сафи, – нам удастся тайком проникнуть на завтрашний корабль. – Она сунула меч обратно в стальные ножны. Ноэль взглянула на нее.

– Это ужасная идея, Сафи. Мне кажется, сейчас мы можем только молиться какому-нибудь богу, чтобы он вмешался и помог нам сбежать.

Ноэль провела тканью по лезвию еще раз, а затем спрятала клинок в украшенные резьбой деревянные ножны и вытащила второй. Над пещерой повисла тишина, которую нарушал только звук движения ткани по металлу и вечный рокот волн моря Яданси.

Ноэль была уже не так поглощена чисткой оружия. Им нужен был новый план, а планирование всегда было коньком Ноэль. Она была прирожденным тактиком, тогда как Сафи искрила внезапными идеями. *Начинай и доводи до конца.*

Вскоре оружие было вычищено и просушено. Ноэль притащила ящик на пяточок, освещенный солнцем, и Сафи пристроилась рядом. Руки названной сестры покрылись гусиной кожей. Ноэль поняла, что и ее руки тоже.

– Если молитва – это наша единственная надежда, кому я должна молиться?

– Ну... – Ноэль закусил губы. На вкус они были солеными. – Нас чуть не убил каравенский монах, так почему бы нам не помолиться священным Колодцам истоков?

Сафи пробрала легкая дрожь.

– Ведун крови молится Колодцам истоков, а я не буду. Как насчет бога нубревенцев? Как его зовут?

– Просто бог, – уверенно сказала Ноэль.

– Ой. Да. – Сафи фыркнула, сложила ладони на груди и уставилась в каменный потолок. – О нубревенский бог волн...

– Я думаю, он бог и всего остального тоже.

Сафи закатила глаза.

– О нубревенский бог волн и всего остального тоже, пожалуйста, помоги нам добраться до Сотни островов в Нубревене. Это твой дом, в конце концов. Разве ты не хочешь, чтобы и мы там оказались?

– Это худшая молитва, какую мне приходилось слышать, – сказала Ноэль.

– Чтоб тебя, Ноэль. Я еще не закончила. – Сафи нахмурилась и продолжила. – Кроме того, сделай так, чтобы за нами никто не гнался. Особенно... ну... ты знаешь. Он. Просто держи Ведуна крови от нас подальше. Большое спасибо, о священный нубревенский бог. – Затем, почти машинально, она добавила: – Ах да, и если бы ты мог еще задержать городскую стражу, это было бы чудесно.

Мощно и внезапно о камни разбилась волна. Вода брызнула на лицо Ноэль, и та отвернулась. Вода оказалась неожиданно теплой.

– О нубревенский бог, – прошептала она, утирая морские брызги со лба, – храни нас. Это все, чего я прошу. Просто... храни нас.

Глава 3

Добраться до дортуара оказалось труднее, чем Сафи и Ноэль ожидали. Они были так истощены, голодны и разбиты, что даже ходьба вызывала у Сафи желание стонать в голос. Или сесть. Или хотя бы облегчить свои страдания горячей ванной и пирожными.

Впрочем, о ванне и пирожных не могло быть и речи. Городская стража буквально заполонила Онтигуа, так что к тому моменту, как девушки добрались до кампуса, уже почти рассвело. За полночи они добрались от пещеры до Онтигуа, и столько же времени занял остаток пути, переулками и огородами.

Порт Онтигуа был построен на скале и – на удачу Сафи и Ноэль – весь состоял из извилистых улочек и покосившихся магазинчиков. Там было множество темных углов и закоулков, куда можно было нырнуть при приближении стражи в красной форме. Но мышцы Сафи гудели, а в желудке урчало все громче. Не говоря уж о том, что любой кусок белой ткани, будь то развешенное белье, кусок парусины или рваная занавеска, заставлял ее сердце биться где-то в горле. К счастью, Ведун крови не появился, так что девушки поднялись в верхнюю часть города незамеченными.

В кампусе стражи не было – пока что, – и они, проникнув на территорию через покрытую птичьим пометом арку, перешли на бег. Университет находился в старой крепости с источенными, полуразрушенными стенами. Высокая башня, где сейчас размещались дортуары, когда-то служила казармами для солдат древней армии. Все здесь было таким же романтично обветшалым, как и в остальном замке.

Сафи нравилось в университете. Сама она выросла в старых продуваемых развалинах – и ненавидела их. Всякий раз, как дядя бывал не в настроении, ее запирали в восточном крыле. Через разбитые окна замка Хасстрелей наметало снег. Ледяной сквозняк и волпая плесень были повсюду. Куда ни падал взгляд, везде виднелись резьба, или картины, или гобелены с изображением горной летучей мыши Хасстрелей. Гротескное, змееподобное существо с зажатым в когтях девизом «Любовь и страх».

А сухие развалины университета Онтигуа были прогреты на солнце и восхитительно пахли протухшей в порту рыбой. Здесь всегда звучала студенческая болтовня и замысловатые ругательства сошедших на берег моряков.

Здесь Сафи было тепло, и она чувствовала, что ей здесь рады.

Девушки пробежали мимо давно смолкшего фонтана, а затем поднялись по шести ступенькам в вестибюль, где лунный свет выбеливал каменные плиты пола. Сквозь каждую распахнутую дверь, которую они миновали, были видны их спящие сверстники. Те немногие, кто еще не спал, были слишком погружены в другие занятия, чтобы заметить крадущихся Сафи и Ноэль.

Когда они наконец юркнули в свою комнату в конце коридора, Сафи закрыла и заперла дверь, а Ноэль прошла мимо стоявших в центре комнаты уже сложенных сундуков. Все было готово к отправке на Сотню островов... пока не выяснилось, что не все. Ноэль рухнула на свою кровать с благодарным вздохом и поджала ноги.

За последние семь лет Сафи наблюдала Ноэль в этой позе миллион раз – правда, не с таким количеством синяков и царапин.

Сафи подошла к своей кровати за дверью и хмуро посмотрела на потолок – а точнее, на две веревки, за которые она не спешила потянуть. Когда она только приехала, то повесила шелковые занавески, чтобы не видеть свою соседку-номаци, злобную, как гадюка, и еще менее привлекательную.

Карторранцы называли кочевые племена «номми». Жители империи Далмотти предпочитали название «матци», а марстокийцы (так говорил Хабим) мечтали, чтобы эти «цыганские демоны» покинули их земли.

Сафи отвернулась, не в силах смотреть на свою пустую кровать.

– Нам нужно спешить, Ноэль. Скоро стража начнет обыскивать кампус. Где целебная мазь Земляной ведьмы? Я намажусь первая.

– В моем сундуке, поверх одежды.

– Умница, – пробормотала Сафи. Это было характерно для Ноэль: упаковать лекарства так, чтобы их можно было легко и быстро достать. Сафи почти сразу нашла банку светлого крема. Он хорошо заживлял порезы и ушибы.

Втирая мазь в особенно болезненную царапину на локте, она бросила взгляд на Ноэль – лицо той выражало что-то вроде печали.

– Жаль, что у нас нет времени как следует попрощаться.

– Мне тоже.

– Это была моя первая в жизни кровать. – Ноэль похлопала по постели. В ее движениях явно сквозила печаль. И нежность.

– Я знаю, – выдохнула Сафи, сердце у нее заныло, перехватило горло. Она резко закрыла банку с кремом и бросила ее рядом с сестрой по Нити. Этот город больше походил на дом и для нее, и для Ноэль, чем любое другое, где они когда-либо бывали. Однажды девушки покинули Онтигуа, чтобы навестить свою подругу Анжелику, которая жила к северу, в городе Солин, и еле вернулись домой.

Трое мужчин из таверны, напавшие на Ноэль за то, что она номаци, домой вообще не вернулись. Во всяком случае, на своих ногах.

А теперь им предстояло покинуть дом раньше, чем они планировали, – из-за промаха Сафи. И по той же причине на них теперь охотились ведун Крови и сотни стражников.

Ох, зачем только она вцепилась в это трижды проклятое кольцо!

Резко выдохнув, Сафи распахнула окно. Горячий воздух так знакомо и успокаивающе пахнул рыбой. Она задержала взгляд на своей руке, вцепившейся в оконную задвижку.

Кожа пониже костяшек была чистой, без Знака магии, и на тыльной стороне правой руки тоже не было никаких отметок, как не было их ни у кого в университете. Местные студенты не обладали достаточной магической силой, чтобы получить хорошо оплачиваемую работу. «Стихийно бессилён» – официальный термин, применяемый к большинству населения. Сафи подозревала, однако, что на самом деле здесь живут гораздо более мощные ведуны и ведьмы, чем принято считать; просто у них не было средств или желания сдавать Магический экзамен.

Черт побери, раз уж Сафи смогла сжульничать на экзамене, то и другие смогли бы. Этот тест был обязательным для всей знати Карторры, и Сафи стоило немалых трудов обвести вокруг пальца пятерых членов экзаменационной комиссии. Четыре физических элемента – Земля, Вода, Воздух и Огонь – не создали каких-либо проблем. Но вот Ведуна эфира, который должен был распознать тип ее магии, десятилетней девчонке обмануть было почти невозможно. Если бы дядя Эрон не поддержал ее ложь и не сделал так, чтобы Ведун эфира явился на экзамен в подпитии, ей бы и не удалось его обжудить.

Это был первый и последний раз, когда она испытывала благодарность по отношению к дяде.

Сафи откашлялась и отпустила задвижку.

– Мы не сможем взять с собой все вещи, Ноэль, так что давай попробуем собрать, сколько влезет, в сумку и уберемся отсюда прежде, чем явится стража.

Ноэль села повыше в постели. Ее глаза в лунном свете сверкнули желтым, как у кошки, и Сафи буквально увидела, как в голове ее сестры по Нити выстраивается новая стратегия.

– Или же, – медленно произнесла Ноэль, – раз уж нам все равно придется бросить здесь все наши вещи, мы можем совершить кое-что дерзкое, что даст нам достаточно времени, чтобы помыться и, может быть, даже поесть. Что скажешь?

– Могла бы и не спрашивать. – Сафи лукаво улыбнулась. – Ты же знаешь, ради ванны и еды я готова сейчас на что угодно, дорогая сестренка. Так как насчет пирожных на завтрак?

* * *

Ноэль кралась по мощеной главной улице Онтигуа. Сафи держалась дна два шага впереди. На резко уходящей вниз дороге было не протолкнуться от множества телег, нагруженных фруктами, ослов и коз, а также людей всех рас, национальностей и вероисповеданий. Нити, такие же разноцветные, как кожа их владельцев, лениво сплетались в полуденном мареве.

Девушки проходили мимо домов и магазинов, чьи широко распахнутые ставни ловили соленые ветра, летящие со стороны Яданси. В Далмотти нельзя спрятаться от летней жары – можно только искать тень и молиться о хорошем ветре. Дождь на время приносил прохладу, но от влажности становилось только хуже.

Это было особенно невыносимо для Ноэль. Ее косынка и перчатки промокли еще до того, как девушки покинули территорию университета. Сафи, разумеется, настояла на том, чтобы обнять на прощание Арку – несмотря на то, что камень был густо покрыт чаячьим пометом. Эта задержка заставила Ноэль понервничать.

План Ноэль состоял в том, что они должны быть на виду. Пока девушки выглядели, как две студентки, которым нечего скрывать, стража, кажется, их даже не замечала. Комната снова приняла свой обычный вид: всюду беспорядок, книги и одежда вперемешку, так что никто не мог бы догадаться, что Ноэль и Сафи уезжают.

Хотя Ноэль было трудно расстаться с книгами. Особенно с иллюстрированной историей Каравенского монастыря (они с Сафи похитили ее из университетской библиотеки, поскольку книгу все равно никто не читал). То, что Ведун крови был монахом, не делало раскрашенные миниатюры менее красивыми, а легенду о Кар-Авене менее волшебной.

Девушки прогуливались по городу, делая вид, что погружены в беседу, а на самом деле просто произносили кратные десяти числа по-карторрански и внимательно глядели по сторонам. Ноэль быстро поняла, что красную форму стражи видно издалека, а стражники едва скользили по ним взглядом, когда девушки проходили мимо. Яркий наряд Сафи – пышная юбка, широкие рукава, блестящие перламутровые пуговицы – был чересчур изысканным для «аритванских крестьянок». И, несмотря на поношенное платье Ноэль из оливково-зеленого хлопка, косынка на ее волосах была явно дорогой. Тысяча оттенков кораллов и орхидей, переплетенные между собой, как Нити дружбы.

Правой рукой дать человеку то, чего он ожидает, а левой срезать его кошелек.

Когда они наконец достигли подножия Онтигуанского холма, Ноэль подобрала юбки, чтобы перепрыгнуть канаву. Сточные воды пугающе оранжевого цвета смешались с большим количеством лошадиного и ослиного помета; кучи мусора гнили на солнце и ежечасно прирастали рыбьими потрохами и птичьим дерьмом.

Голова у Ноэль чесалась, а пот стекал по шее крупными каплями. Она старалась не замечать этого, так же как и вонь, разъедающую ноздри изнутри.

Сафи проскочила перед повозкой со свиньями, предоставив Ноэль догонять ее. Погонщик заверещал не хуже своих подопечных, но девушки перебежали дорогу и уже не слышали его. Они обогнули нищего, прошли мимо группы пуристов, кричавших о греховности магии, затем пробрались сквозь стадо несчастных овец – и наконец оказались у пристани.

Сотни пришвартованных кораблей с белыми парусами качались на волнах. В нескольких футах компания темнокожих моряков с южного континента резалась в таро. Сафи вытянула шею. Ноэль увидела, что ее сестра по Нити неодобрительно смотрит на слишком открытую «руку» ближайшего игрока.

Затем интерес Сафи угас, и она поманила Ноэль дальше.

– У него была карта с Разрушенным, – пояснила Сафи, когда девушки повернули налево вдоль пристани.

– Ясно. – Разрушенный был худшей картой в колоде. Тот, кому она выпадает, всегда проигрывает. Конечно, еще год назад Ноэль не знала об этом. Но благодаря их с Сафи проделкам она весьма преуспела в правилах и тактике игры.

Сафи выросла, играя – а точнее, жульничая в таро. Но не по своему выбору – она никогда не выбирала. Она была вынуждена проводить время за этим занятием со своим дядей вплоть до того момента полгода назад, когда отказалась даже находиться рядом с колодой карт.

И жаль, поскольку Ноэль, попробовав, нашла игру забавной. Это был вид логики и стратегии, которым она владела в совершенстве, так что, возможно, она бы с удовольствием понемногу играла в таро последние семь лет.

Миновав телеги со специями, торговцев фруктами, а также больше виноделов, чем Ноэль могла сосчитать, они увидели вывеску кофейни Мустефа. Она показалась на узкой улочке, отходившей от портовой набережной.

НАСТОЯЩИЙ МАРСТОКИЙСКИЙ КОФЕ ЛУЧШИЙ В ОНТИГУА

На самом деле, это не был настоящий марстокийский кофе. Он был отфильтрован и безвкусен, чтобы угодить, как всегда говорил Хабим, унылым западным гурманам. Да и лучшим в Онтигуа кофе Мустефа не был тоже. Даже сам Мустеф признавал, что в жалкой забегаловке на противоположном конце порта кофе лучше. Но сюда, к южной оконечности порта, люди приходили не за кофе. Они приходили за сделками.

Бизнес ведунов Слов, в котором преуспел Мустеф, заключался в торговле слухами и сплетнями, а также планировании краж и мошенничества.

Ноэль и Сафи проводили больше времени на кухне Мустефа или тренируясь с Хабимом в подвале, чем в своем дортуаре. Это место было для них вторым домом. Даже когда Хабим и Мустеф отсутствовали, а ставни были заперты, девушки все равно пробирались сюда каждый день. В конце концов, здесь было надежнее хранить свои растущие накопления, чем у себя в комнате.

Сафи первой подошла к двери и каблуком изобразила условный стук. Хабим всегда жаловался на дороговизну запирающих заклятий, которыми торговали ведуньи Эфира, но, насколько могла судить Ноэль, оно того стоило. Уровень преступности в Онтигуа впечатлял: во-первых, это был порт, а во-вторых, присутствие богатых студентов университета так и притягивало жадных на деньги подонков.

Конечно, те же самые студенты оплачивали бесчисленную городскую стражу – один из стражников как раз остановился в начале переулочка.

Он отвернулся, разглядывая покачивающиеся суда, но надолго ли? Его Нити переливались темно-зеленым интересом, будто он был человеком, который ищет тщательно и пропускает немного. Когда он обернется, то заметит двух девушек, исчезающих в запертой кофейне, – и это привлечет внимание. Двум хорошо одетым барышням нечего делать на заваленных потрохами улочках.

– Быстрее, – буркнула Ноэль.

– Я стучу так быстро, как могу, – огрызнулась Сафи.

– Ну, недостаточно быстро. – Ноэль пихнула Сафи в спину, не отрывая взгляда от стражника и его Нитей. Он медленно, медленно поворачивается... И может заметить их в любую секунду.

Дверь широко распахнулась. Ноэль толкнула Сафи внутрь.

Она и Сафи вкатились в темную прихожую.

– Ты сдурела? – зашипела Сафи, оборачиваясь к Ноэль. – Мы бы успели!

– Нет, *ты* бы успела. – Ноэль закрыла за собой дверь так тихо, как только могла. – Да он бы только посмотрел на мою кожу номаци и тут же потащил меня на допрос – под твои вопли. Если Ведун крови еще здесь... – Ноэль сделала выразительное движение, говорившее, что ждать расплаты пришлось бы недолго.

Сафи помолчала, а потом – пока Ноэль шла в глубь темной прихожей, ощупывая руками сводчатый вход в магазин, – сказала:

– Но ведь тебя еще ни разу не арестовывали. – Она тихо прокралась вслед за Ноэль. – И это костюмированное шествие было твоей идеей.

Ноэль почувствовала, что хмурится – для ведьмы Нитей это было нехарактерно.

– Я не ожидала, что на пристани будет столько стражи. – Ее рука провалилась в пустоту магазинного входа. Если бы она пошла прямо, то достигла лестницы, ведущей к спальням Хабима и Мустефа наверху. Вместо этого она свернула влево и, как только вошла, шепнула заклинание:

– Свети.

В тот же момент двадцать шесть заколдованных светильников зажглись, освещая резные марстокийские узоры на стенах, потолке и полу. С оформлением тут перестарались – множество ковров с пестрыми орнаментами бросались в глаза, – но, как и в случае с кофе, у жителей Запада были определенные представления о том, как должна выглядеть марстокийская лавка.

Сафи со вздохом проследовала за Ноэль к ближайшей стопке подушек и села.

– Стражи намного больше обычного. Думаешь, это связано с окончанием перемирия? – Сафи склонила голову, а потом решительно кивнула. – Да. Моя магия говорит, что это правда.

– Стало быть, во всех городах Далмотти у нас будут сложности, – сухо сказала Ноэль, не сомневаясь, что магия Сафи снова подтвердит ее догадки.

Поскольку Двадцатилетнее перемирие, приостановившее войну на континенте, закончилось восемь месяцев назад, Онтигуа кишел матросами и солдатами, готовыми защищать Далмоттийскую империю от возвращения Великой войны. Эти солдаты будут воевать против родины Сафи – Карторранской империи. И против Марстокийской империи, которая была родиной Хабима и Мустефа.

Это добавляло привлекательности Сотне островов, где жила все еще независимая нация нубревенцев. В книгах по истории, которые читала Ноэль, и лекциях говорилось, что райскую Сотню островов не затронули вековые войны. Военным судам было слишком сложно маневрировать в узких проливах. Ноэль и Сафи могли спокойно там отсидеться, а может быть, даже открыть оружейный магазин, о котором давно говорили.

– Будем надеяться, у нас хватит денег сбежать из империи насовсем, – сказала Ноэль, проскользнув за прилавок в глубине зала. – Кофе?

– Да!

– Тогда считай наши пиастры, лентяйка.

Сафи принялась разнообразно ругаться и шевелить губами, а Ноэль скрылась на кухне. Она быстро развязала косынку и стащила ее с пропотевшей головы.

По лбу и макушке пробежался чудесный освежающий ветерок. Когда они с Сафи доберутся до Сотни островов, ей больше никогда не придется носить косынку. В Нубревене не

существовало законов против номаци. Тогда по утрам она сможет оставлять свои волосы в покое.

И сможет просто жить, хотя это представить было сложнее. Но все равно, каждый раз, как она думала об этом, ее сердце билось сильнее. Вот и сейчас, подойдя к стене с медными тазами Мустефа, она почувствовала бешеный стук в груди.

Ноэль вскипятила воду на плите, заколдованной ведуном Огня, и положила в стеклянный кувшин смолотый в порошок кофе. Затем медленно налила воду. В нос Ноэль и в ее мозг проникал густой аромат – такой пьянящий и крепкий... Все, чего не было у Ноэль, обретало осязаемость.

Сафи зашла в кухню.

– У нас есть одна тысяча четыреста семьдесят три пиастра, – заявила она, а ее Нити мерцали горчичным оттенком беспокойства. Сафи бросила кожаный кошелек с бронзовыми монетами на прилавок – так, что кофе от толчка расплескался.

Ноэль досадливо вздохнула и взяла с умывальника полотенце. Наводя порядок, она сказала:

– Этого достаточно, чтобы перевезти одну из нас на Сотню островов. И когда я говорю «одну из нас», Сафи... – Она со значением посмотрела на свою сестру по Нити. – Я имею в виду тебя.

– Нет. – Нити Сафи задрожали и протестующе потемнели. – Я не брошу тебя в городе, кишасшем стражей. – Ты отправишься на корабле на юг, а я... – Она колебалась. Облизала губы. Затем решила: – А я поеду в Венъязу.

Ноэль попятилась, крутя в пальцах тряпку. Выжатый кофе покрыл ее ладони.

– Разве это лучшее решение? Если отправишься в Венъязу, сделаешь то, чего хочет твой дядя – а он никогда не хочет ничего хорошего.

Сафи достала из кошелька пиастр и закрутила на пальцах. Огонь от свечей отражался в бронзовой морде крылатого льва и профиле какого-то давно забытого далматийского дожа. Затем Сафи со звоном бросила монету обратно в кошелек, а ее Нити замерцали созерцательной мудростью.

– Я подумала об этом. Через несколько дней начнется Военный саммит, и я почти уверена, что дядя вызвал меня в Венъязу именно из-за него.

– Но зачем? Разве этот саммит собирается не для того, чтобы продлить перемирие еще на двадцать лет?

– Точно не знаю... На этот счет моя магия молчит. Как будто не все участники хотят, чтобы перемирие продолжалось.

Ноэль закусил губу и почесала ключицу. Ей в голову пришла новая идея.

– Разве мы не слышали на той неделе, что император Хенрик собирает ведунов Эфира в Праге? Он сказал, что это для дипломатической подготовки...

– Но моя магия говорит, что это ложь, – подытожила Сафи, барабанила пальцами по прилавку. Магия Сафи была совместима с элементом Эфира – как и магия Ноэль, – так что ее сила была связана с духом и умом.

– Может быть, – размышляла вслух Ноэль, – на самом деле Хенрик объявил сбор ведунов для продолжения Великой войны. Может быть, на самом деле Хенрику нужны военные, и потому твой дядя хочет, чтобы ты приехала. Он ведь не один раз грозил тебе Офицерской академией.

Когда Сафи исполнилось двенадцать, дядя предложил ей на выбор два варианта: либо она поступает в военное училище в Праге, столице Карторры, где ей придется отказаться от своей магии и служить в армии, либо она учится в Онтигуанском университете, одном из лучших образовательных учреждений континента.

Сафи выбрала второй вариант, так как в университете, по крайней мере, была возможность скрывать свои магические способности.

– Это не так. – Сафи вздохнула, взгляд ее был рассеянным. – Моя магия говорит, что это частично ложь. Думаю, ты права в том, что Хенрик набирает ведунов Эфира в качестве офицеров для Великой войны, и... – Ее зрачки внезапно сузились. Она взяла еще одну монету и высоко подбросила.

– Дядя вызвал меня из-за императора Хенрика. – Она поймала пиастр. – Но это не связано с моей магией. Ему нужно от меня что-то другое. – Она саркастически засмеялась. – В первую очередь.

Ноэль хмыкнула в ответ.

– Но ты права, – продолжала Сафи. – Я не должна так просто отправляться в дядину ловушку, что бы там ни было. Но на своем корабле я смогу выбраться из Онтигуа и сбежать от стражи. И от ведуна Крови. Венъяза огромная. Мы можем затеряться и достать деньги, чтобы хватило на два билета на юг.

– Мы? – перебила ее Ноэль. У нее перехватило дыхание. Язык вдруг распух. – Я не могу ехать в Венъязу. Т-ты... знаешь это. – Она почувствовала, как ее глаза распахнулись. Почувствовала, как ее брови складываются в нечто, что, как она надеялась, походило на выражение мольбы. – Я для тебя все сделаю, Сафи, но Венъяза слишком близко к...

– К дому, – закончила за нее Сафи. – Я знаю. – Она подвинулась ближе к Ноэль и взяла ее за локоть. – Тебе не придется бывать в окрестностях поселка Миденци, Ноэль. Клянусь. – Лицо Сафи выражало убежденность, а Нити засветились сине-зеленой уверенностью. – Мы воспользуемся дядиным кораблем, потом спрячемся в порту, пока не добудем достаточно денег, и удерем. Я просто... Я не вижу никакого другого пути, чтобы вытащить нас из Онтигуа.

Прикрытые веки Ноэль дрогнули, и она призвала на помощь всю свою безмятежность ведьмы Нитей, чтобы справиться с ледяными мурашками. Она не могла сейчас позволить эмоциям, которые она с трудом распознавала, взять над ней верх.

Изучите противника, всегда говорил им Хабим. Изучите местность. И, если можете, выберите поле боя.

Противниками Ноэль были стражники, а местностью – Онтигуа, знакомый ей так же, как собственные клинки. И все же... Она может поменять местность, выбрать поле боя, где эти стражники не смогут добраться до нее или Сафи.

Действительно, Венъяза располагалась совсем недалеко от того уголка, где прошло детство Ноэль, но ей совершенно не обязательно заявляться в поселок Миденци. Если Сафи рассчитывает избежать встречи с дядей в городе, Ноэль тем более легко избежит посещения захолустного поселка за его пределами. Ноэль проскользнет в Венъязу и выскользнет обратно так, что ее мать и не узнает.

Все детство Ноэль училась сохранять невозмутимость, разрабатывая планы. Ее охватило спокойствие, сковавший сердце лед растаял.

Она распахнула глаза.

– Ты права, – резко сказала она. – Отправиться в Венъязу – это лучшее решение. Нам нужно только добраться до дядиного корабля, не привлекая внимания... – Речь Ноэль прервал оглушительный стук в дверь.

– Стража Онтигуа! – раздался приглушенный голос с улицы. – Открывайте!

Ноэль не отводила глаз от Сафи.

– ...Не привлекая их внимания.

– Слишком поздно, – буркнула Сафи. Ее тело напряглось, готовясь действовать.

Стук повторился – на этот раз еще громче.

– Открывайте! Мы знаем, что вы внутри!

– Ответь им, – сказала Ноэль, судорожно разрабатывая план. Что-то зашевелилось... Что-то очевидное.

Тогда Сафи закричала:

– Иду-иду! Дайте закончить с кофе! – Ее голос упал до шепота, а по лицу было ясно, что ее посетила идея. – Я их впущу и задержу.

Конечно. Стража вовсе не обязательно была врагом Сафи, так как она явно богата и знатна, а также – явно карторранка.

Ноэль одобритительно кивнула.

– Я улизу и встречу тебя на корабле через полчаса. Будь осторожна, Саф.

Она отстранилась, уже намечая лучший вариант бегства из кофейни. Самый простой маршрут через ее местность...

Сафи схватила Ноэль за плечо.

– Твоя косынка, – пробормотала она. – Не забудь.

– Верно. – Ноэль вытащила из кармана косынку, и та заиграла розовым в свете свечей. Боги, как это было ярко. И броско. – Лучше я возьму тряпку для посуды. Будь осторожна.

Сафи ухмыльнулась.

– Когда я была не осторожна?

Ноэль фыркнула, но не стала напоминать о некоем перстне с сапфиром на руке некоего мастера гильдии. Стражник снова застучал в дверь, сотрясая весь магазин. Глаза Сафи сверкнули.

– Иду! – заорала она, развернувшись. – Хватит стучать!

Ноэль фыркнула еще раз, взяла второе серое полотенце с раковины и запасной плащ Хабима с крючка. Пробираясь на цыпочках к узкой задней двери, ведущей в крошечный переулок, она слышала надменный голос Сафи, говорившей на повышенных тонах:

– Что значит – две девушки ограбили мастера гильдии? Какое безобразие!

Ноэль усмехнулась. Если была какая-нибудь роль, в которой Сафи смотрелась органично, так это роль недовольной аристократки. Теперь Ноэль оставалось только надеяться, что она справится с собственной ролью сморщенной старушки в плаще не по размеру, ковыляющей вдоль моря.

Глава 4

Пальцы Мерики Нихара сжимали нож для масла. Напротив, через широкий дубовый обеденный стол, сидела карторранская донья, по ее щетинистому подбородку стекал куриный жир.

Словно почувствовав взгляд Мерики, донья взяла бежевую шелковую салфетку и утерла сморщенные губы и складчатый подбородок.

Мерик ненавидел ее, как и любого присутствующего здесь дипломата. Но он оказался тут не для того, чтобы нарываться на драку. Он представлял свою родину. И должен был доказать, что он такой же жесткий и знающий, как его больной отец – вот кто должен был присутствовать в Веньязе и изнемогать сейчас во время этого бесконечного обеда.

В длинной столовой гудели голоса не менее чем на десяти языках. Континентальный военный саммит должен был начаться завтра с обсуждения Великой войны и конца Двадцатилетнего перемирия. Сотни дипломатов собрались со всего континента в столице Далмотти, Веньязе.

Далмотти была, пожалуй, самой маленькой из трех империй, но лидировала в торговле. И, поскольку она удобно располагалась между Марстоком на востоке и Карторрой на западе, это было лучшее место для международных переговоров.

Мерик был совсем мальчиком во время подписания Двадцатилетнего перемирия – его матерью, королевой Нубревены, после того как отец провел переговоры. И теперь, почти двадцать лет спустя, он находился в том же городе и в том же дворце, где когда-то присутствовал его отец.

Но в отличие от своего отца, после трех месяцев, проведенных в Веньязе, Мерик остался с тем же, с чем приехал. Единственным утешением, хоть и очень незначительным, было то, что вообще никто из представителей малых наций ничего не добился. Если прищуриться, Мерик мог разглядеть в противоположном конце огромного зала посла Иллрии, который выглядел совершенно отстраненным.

Хотел бы Мерик иметь такое же выражение: ему самому становилось все труднее и труднее держать при себе свою ярость. Он потратил годы на подражание сдержанному характеру отца и потрясающему самоконтролю сестры, но управлять своими эмоциями по-настоящему так и не научился. И сейчас ему не хватало буквально одной капли. Одной капли, после которой океан выйдет из берегов.

Мерик перевел взгляд со старой дворянки напротив на необъятное стекло за ее спиной. Сады Дворца дождей сияли на солнце, наполняя столовую теплым зеленоватым светом и ароматом цветущего жасмина. Как избранный глава Совета Далмотти, дож не имел семьи (так же, как и далмоттийские мастера гильдий), так что ему вряд ли нужен был сад, чье содержание обходилось в такую же сумму, что и двенадцать кораблей Мерики. Кроме цветов, там была декоративная известняковая стена с красивыми коваными воротами, через которые можно было попасть к бесконечным каналам и мостам Веньязы.

– Любуетесь стеклянной стеной? – спросил белобрысый глава Шелковой гильдии, сидевший справа от Мерики. – Это настоящее произведение искусства наших Ведунов стекла. Она из цельного куска стекла.

– Действительно, произведение, – ответил Мерик, хотя его тон нельзя было назвать воодушевленным. – Но я задумался, мастер Аликс, неужели умениям ваших Стеклянных ведьм не нашлось более полезного применения? Да и, – он повел вилкой в сторону сада, – да и Земляным ведьмам тоже.

Мастер гильдии кашлянул.

– Наши Ведуны элементов имеют весьма узкую специализацию. Кто сказал, что Земляной ведьме место только на ферме?

– Но есть разница между ведьмой, которая способна работать только с землей, и Земляной ведьмой, которая *решила* работать только с землей. Или с исчезающим песком в часах. – Мерик откинулся на спинку стула. – Взять хоть вас, мастер гильдии. Вы ведун Земли, я правильно понимаю? Скорее всего, ваша магия распространяется на животных, но, конечно, не только на шелкопрядов.

– А, да я вообще не ведун Земли. – Мастер Аликс показал Знак магии на своей руке: круг Эфира и пунктирная линия, обозначающая Портного.

Мерику стоило титанических усилий не придушить его на месте. Мастер Шелковой гильдии только подтвердил его подозрения. Зачем тратить магическую силу на производство одинаковой одежды из одинаковой ткани? Собственный портной Мерики великолепно справился с льняным костюмом, который был сейчас на нем.

Длинный, серебристо-серый сюртук был надет на кремовую рубашку. И хотя Мерик считал, что такое количество пуговиц надо запретить законодательно, костюм ему нравился. Его черные бриджи были заправлены в скрипучие новые сапоги, а широкий красивый ремень на бедрах был не просто украшением. Когда Мерик вернется на корабль, он повесит на него кортик и револьверы.

Явственно почувствовав недовольство Мерики, мастер Аликс переключил внимание на дворянку напротив.

– Что вы думаете об отложенном браке принца Леопольда, моя леди?

Мерик позволил себе нахмуриться. О тайной невесте принца Карторры говорили все кому не лень.

В бывшей Аритванской Республике, этой дикой и безвластной северной стране, был человек, объединявший разбойничьи стаи и называвший себя королем, но было ли до этого дело имперским дипломатам?

Никакого.

Еще более тревожным было заявление так называемого Аритванского короля-разбойника о том, что он повелевает армией бессмертных Разрушенных, но поскольку это не имело отношения к тайной невесте принца Леопольда, то никого и не интересовало.

Что ж, Мерик искренне надеялся, что невеста Леопольда окажется замаскированной ведьмой Пустоты, которая спалит мужское достоинство принца и сровняет Карторру с землей.

Мерик опустил глаза. Его тарелка была пуста. Даже кости были завернуты в салфетку. Некоторые из гостей заметили это, да он и не особо скрывался, пряча объедки в бежевый шелк.

Мерик даже хотел спросить ближайших соседей, нельзя ли забрать еду с их тарелок, которые в большинстве своем стояли нетронутыми, с курицей и зеленой фасолью. Моряки никогда не расходовали продукты попусту, поскольку не знали, когда им удастся поймать рыбу или когда они в следующий раз увидят берег.

И уж тем более теперь, когда на их родине царил голод.

– Адмирал, – спросил пожилой толстый дворянин, сидевший по левую руку от Мерики, – как поживает король Серафин? Я слышал, он болен.

– Мой отец, – ответил Мерик прохладно (и в этой прохладце любой, кто был знаком с семейством Нихар, уловил бы опасность), – чувствует себя неплохо. Спасибо... Простите, как вы сказали, вас зовут?

Щеки мужчины колыхнулись.

– Дон Филлип фон Григ. – Дворянин фальшиво улыбнулся. – Григи владеют одним из крупнейших капиталов в Карторре, вы, конечно, знаете об этом. Или... нет? Полагаю, у жителя Нубревены нет нужды знакомиться с географией и экономикой Карторры.

Мерик только улыбнулся. Дон был прав: Мерик знал о том, почему собаки поедают собственное дерьмо, больше, чем о территории Карторранской империи. Никакими выговорами и побоями отцу не удалось впихнуть в него эти познания.

– Я помогал в выборе невесты для принца Леопольда, – продолжал дон, берясь своими пухлыми пальцами за кубок вина.

– Что вы говорите. – Мерик постарался придать лицу бесстрастное выражение. Однако, пока дон фон Григ отпивал из своего кубка, а с уголков его рта стекали струйки дорогого далмоттийского красного – так расточительно и мерзко! – гнев Мерика закипал... закипал...

Это и стало последней каплей, после которой гнев Мерика вышел из берегов.

Он резко и хрипло втянул воздух. А затем выдохнул.

Ветер достиг дона. Его бокал опрокинулся, а вино залило лицо, волосы и одежду. Красные капли забрызгали даже оконное стекло.

Воцарилась тишина.

В Карторре были запрещены любые виды Воздушной магии. Выцветшего Знака магии Мерика – перевернутого треугольника с линиями, обозначающими его связь с Ветром, было достаточно, чтобы арестовать его на месте. Карторранцы не любили Ведунов элементов с «опасными» способностями.

К счастью для Мерика, он находился в Далмоттийской империи, чьи власти были настроены не так параноидально. Магия Воздуха здесь запрещена не была.

Мерик поднялся на ноги и окинул взглядом пятьдесят знатных лиц, все это время пиливших на него. Слуг, вытаращивших глаза и толпящихся в дверных проемах.

Полсекунды Мерик раздумывал, что сказать. Отец пришел бы в ярость, узнав об инциденте. А сестра еще больше – ведь она так хорошо умела контролировать свой гнев. И тем самым демонстративно напоминала о его собственной несдержанности.

Впрочем, об извинениях не могло быть и речи, а угрозы прозвучали бы слишком резко. Потом внимание Мерика привлекла полупустая тарелка мастера Аликса, и он, не раздумывая, взял салфетку с его коленей.

– Вы же не будете доедать, не так ли? – Мерик не стал ждать ответа. Он просто пробормотал: – Очень хорошо, потому что моя команда, безусловно, будет, – и принялся собирать кости, зеленую фасоль и остатки тушеной капусты. Плотно завернув еду в салфетку, он сунул ее в карман сюртука вместе с собранными раньше костями.

Затем он обернулся к растерянно моргающему дожу Далмотти и сказал:

– Благодарю вас за гостеприимство, мой господин.

Шутливо отсалютовав, Мерик Нихар, принц Нубревены и адмирал нубревенского флота, прошагал мимо обеденного стола, вышел из столовой и наконец покинул Дворец дожей.

Пока он шел к выходу, в голове у него родился план.

* * *

Корабль, нанятый дядей Сафи, был пакетботом, курсирующим между Онтигуа и Венязой. Обычно на нем доставляли почту, так что присутствие на борту пассажиров привлекло внимание матросов. Сафи не возражала против внимания – вообще-то оно ей даже нравилось. Вернее, понравится, когда они с Ноэль благополучно выберутся из Онтигуа и окажутся вне досягаемости стражи.

На протяжении всего дня Сафи нечем было заняться, да и опасаться было нечего. Так что они с Ноэль играли в таро, переложив заботу о своем безопасном путешествии в Венъязу на богов. Сафи могла расслабиться, отдышаться и наслаждаться путешествием на судне, нанятом ее дядей, которое – учитывая количество дядиных долгов – выглядело вполне прилично.

Естественно, Ноэль была вынуждена почти сразу же спуститься в трюм. На яростном ветру невозможно было удержать на голове косынку, хоть розовую, хоть из грязного кухонного полотенца. Так что она решила не выходить из отведенной им тесной каюты, пока корабль не прибудет в столицу.

Поначалу Сафи собиралась составить Ноэль компанию, но потом заметила за штурвалом симпатичного ведуна Прилива. Возможно, она и не изменила бы своих планов, если бы моряк не выглядел таким же заинтересованным, как и сама Сафи.

Большинство мужчин ее высокий рост и мышцы пугали, но не этого огромного блондина. Когда Сафи робко улыбнулась ему, он широко улыбнулся в ответ и жестом даже пригласил присоединиться к нему.

Остаток дня, пока не закончилась вахта ведуна, Сафи забрасывала его вопросами о мореплавании и магии Прилива. Его звали Герог, у него была маленькая сестра, и он был родом из рыбацкой деревни в Сводене. Эти сведения, конечно же, повлекли за собой еще больше вопросов.

Довольно скоро день окончательно угас. Приближалось следующее утро. Ноэль в своем трюме, казалось, была увлечена книгой о каравенцах. Сафи тайно уложила книгу в свой ранец (господи, до чего ж она была тяжелая) и сделала Ноэль сюрприз, как только они заселились в каюту.

Когда на горизонте показалось скопление судов, Сафи наконец-то уговорила сестру по Нити подняться на палубу. Все корабли – в основном купеческие галеоны, хотя иногда попадалась элегантная яхта или военное судно – сигнализировали, что Венъяза находится прямо по курсу.

Ветер играл широкими юбками Сафи и пытался сдернуть ее золотистую шляпку. Прижав одну руку к голове, а другой ухватив шелковую ткань, она обернулась к Ноэль.

Как и Сафи, Ноэль не переодевалась со вчерашнего дня. Несмотря на перчатки и низко надвинутую косынку, она беспокойно крутила деревянные пуговицы своего платья с пышными рукавами и обтягивающим лифом. Впрочем, никаких косых взглядов она не привлекла, и Сафи хотелось бы, чтобы сестра расслабилась так же, как она сама.

– Все в порядке, – пробормотала она, ведя Ноэль на бак. Они могли оставаться на носу корабля и следить за тем, как их судно прибывает в огромную столицу Далмоттийской империи. – Узнала что-то новое из этой четыре тысячи раз прочитанной книги?

Ноэль выдавила смешок.

– Веселишься, – сухо сказала она. – Если бы ты не была так добра, что сохранила для меня книгу, я бы пересчитала тебе зубы.

– Ты имеешь в виду – попыталась бы пересчитать мне зубы. – Сафи оскалилась, что вызвало у Ноэль мягкую усмешку, прислонилась к фальшборту и тревожно оглядела небо – чайки летали на безопасном расстоянии, – прежде чем задать вопрос: – А в этой книге ничего не говорится о ведунах Крови, ставших монахами?

Улыбка сошла с лица Ноэ.

– Я как раз искала. Настолько странно, что в таком безгрешном месте мог появиться кто-то, связанный с Пустотой. Но, оказывается, любой, кто готов положить свою жизнь на защиту Кар-Авена, может стать монахом.

– Кар-Авен, – повторила Сафи, смакуя имя на языке. Девочкой она всегда думала, что это такая красивая легенда: два человека, вышедших из Колодца истоков и наделенных маги-

ческой силой, чтобы очистить мир от самого темного зла. Но, подобно тому, как ключи, питающие большинство Колодцев истоков, иссякли столетия назад, вот уже почти пять веков не рождался новый Кар-Авен.

Недалеко от замка Хасстрелей был расположен один из заброшенных Колодцев истоков. Воды там давно уже не было, но можно было найти остатки каменных плит. И шесть буковых деревьев вокруг колодца, которые, по легенде, цвели круглый год, все еще стояли на месте, хоть и были насквозь трухлявыми.

Но Сафи все равно воображала, что они живые. И что она – одна из Кар-Авенов, призванных бороться со злом... и спасти мир.

Игра была недолгой, поскольку ей было запрещено отдаляться от замка. Ее фантазии неизбежно заканчивались щелчком замка в дверях спальни и приглушенными криками дяди, чтоб она держалась подальше от Хасстрельских лесов.

В такие моменты Сафи отчетливо понимала – уверенность заполняла каждую ее клеточку, – что все это лишь красивая сказка. Иначе, если бы это была правда и добра в мире было бы больше, как могли существовать такие люди, как дядя Эрон?

Но и та жизнь, и те игры давно остались в прошлом.

Сафи широко раскинула руки, чтобы поймать летящую по ветру водяную пыль. Она взглянула на Ноэль, которая смотрела назад, на паруса и такелаж.

Сафи легонько пихнула сестру.

– На что уставилась, Леди Гадюка?

Ноэль отвела взгляд и натянула косынку еще ниже.

– Прости. Их Нити меня отвлекают. И, – она погрозила пальцем, – не называй меня Леди Гадюкой, Попельсин.

Сафи изобразила удушье. Она называла Ноэль Леди Гадюкой, когда у той делалось такое вот лицо – безо всякого выражения, ну а Попельсин... Это стало последней каплей для преподавателя поэзии, когда Сафи выдала дурацкое словечко на заключительном экзамене. Но, если подумать, что еще так хорошо рифмуется с апельсином?

– Почему? Ты видела моряков и раньше. – Сафи покосилась на Герога. Он улыбнулся, и она, порозовев, помахала ему в ответ.

– Конечно же, я видела моряков и раньше. – Ноэль сморщила нос, а остального лица и не было видно. Все эти люди – Ведуны прилива, – объяснила Ноэль, и ее голос стал почти благоговейным. – И все они связаны бледными, цвета морской волны Нитями. Довольно слабыми, впрочем. Временные обязательства, как в марстокийской армии ведунов Огня.

Сафи скептически посмотрела на Ноэль.

– А ты видела когда-нибудь армию ведунов Огня?

– Никогда. – Ноэль ткнула Сафи в плечо. – Но моя мать как-то рассказывала мне, что некоторые ведуны могут быть связаны друг с другом. Это укрепляет их силу и координирует ее.

– О. – Сафи снова подставила лицо ветру, удерживаясь, чтобы не сказать ничего в ответ. Ноэль никогда не говорила о своей матери. Никогда. Да еще так небрежно...

Должно быть, это случайность, и Сафи не собиралась заострять на ней внимание.

Заслонившись рукой от солнца и брызг, она смотрела вперед. Первые мосты и шпилы Венязы были уже видны на горизонте. А еще сотни судов.

Сафи вдохнула полной грудью, чувствуя, как свежий соленый бриз проникает в легкие. Они с Ноэль приближались к цели. Что бы там ни было, они встретят грядущее вместе. Как угодно, но они доберутся до Сотни островов и откроют там свой оружейный магазин. Это придало Сафи решимости. Готовности все преодолеть...

Над головой закричала чайка. Что-то плюхнулось ей на шляпку. Звук отозвался в ушах.

– Будь. Ты. Трижды. Проклята. – Она сдернула шляпу, чувствуя, как кровь приливает к вискам.

Ну конечно. Фисташкового оттенка хлопок был покрыт жирным, клейким чаячьим дерьмом.

Сафи поперхнулась криком. Этой чайке повезло, что она не подлетела ближе, а у Сафи не было при себе арбалета.

– Я буду в каюте, – сдавленно произнесла она. И затопала по ступенькам в трюм.

* * *

К тому моменту, как Мерик достиг южной оконечности порта Веньязы, городские куранты отбили три часа пополудни. Был отлив. Покинув дипломатический обед, Мерик пробирался мимо еще более грязных ослов и экипажей, еще более навязчивых торговцев и еще более беззубых моряков, чем рассчитывал. Уличная брусчатка вобрала в себя дневную жару, и нищие, свернувшись, грелись на ней.

Мерик попытался перепрыгнуть лужу бог знает чего, но все же успел вляпаться новыми сапогами. Темная вода брызнула в стороны, распространяя тяжелый запах несвежей рыбы.

Мерик вздохнул и тут же вобрал полные легкие запаха голубинового помета. И только потом увидел пекарню.

Пекарню для собак.

Для собак. Его люди голодали, а у далмоттийцев были деньги на собачьи пирожные?

У него не было слов от ярости и не было препятствий для порыва магии. Оставалось надеяться, что никто не заметил небольшого смерча, кружившего вокруг Мерика, пока тот шел по грязному городу.

За девятнадцать лет и четыре месяца, пока длилось перемирие, три крупнейшие империи – Карторра, Марсток и Далмотти – успешно уничтожили родину Мерика путем дипломатии. С каждым годом через Нубревену шло все меньше торговых караванов. С каждым годом все меньше нубревенских экспортеров находили покупателя, и все меньше иностранцев были заинтересованы в ведении с ними бизнеса.

Нубревена была не единственным пострадавшим государством. У остальных небольших народов, остававшихся независимыми, дела шли не лучше. Великая война между Карторрой и Марстоком началась из-за религиозных противоречий, но в конечном счете свелась к тому, кто из них поглотит больше мелких и бедных наций. Спустя столетие империи перестали делать вид, что им интересно, кто и кому поклоняется. Все свелось к соревнованиям в магии, количестве ресурсов и вместительности портов.

За многие десятилетия, сложившиеся в века, небольшой береговой народец Далмотти построил свою собственную империю. Таким образом, малые нации теперь пытались отстаивать свою независимость перед армиями и пушками трех империй. Малые нации, которые постепенно сдавали позиции: война стоит денег, которых может не хватить даже у империи.

Карторранский император провозгласил мир. Двадцатилетний мир, после которого должны были последовать повторные переговоры. Звучало это красиво.

Чересчур красиво.

Мать Мерика и подобные ей правители, подписавшие Двадцатилетнее перемирие, не понимали: когда император Хенрик сказал «мир», он имел в виду – «передышка». А когда он сказал «повторные переговоры», он имел в виду – «уверенность в победе наших армий, когда они снова пойдут в наступление».

Так что теперь, когда далмоттийская армия наступала с запада, марстокийские ведуны Огня – с востока, а все три имперские флотилии приближались к берегам его родины, Мерик

– как и вся Нубревена – чувствовал, что тонет. Они погружались в волны, наблюдая, как солнце меркнет, отдаляется, исчезает – и не остается ничего, кроме ископаемых рыб вокруг и воды в легких.

Но нубревенцы еще не сдались.

На завтра у Мерика была назначена еще одна встреча – с Шерстяной гильдией. Если Мерику удастся заключить хотя бы один контракт, остальные гильдии это, возможно, тоже привлечет. Ну, а если нет...

Мерик не хотел даже думать о последствиях.

Когда он наконец добрался до своего корабля, тот мирно покачивался на волнах отлива – трехмачтовый фрегат с острым, похожим на клюв носом, характерным для нубревенских военных судов. Паруса были свернуты, весла сложены, а флагом Нубревены – черный фон и цветок ириса ярко-синей вспышкой по центру – лениво играл послеобеденный бриз.

Пока Мерик поднимался по трапу на «Яну», красивую, всю в бликах от яркого солнца, его возмущение немного улеглось. Но на смену пришла тревога, от которой напряглись плечи, и внезапная необходимость проверить, на все ли пуговицы застегнута рубашка.

Это был корабль отца – половина матросов служила в команде короля Серафина. И, несмотря на три месяца, проведенных под командованием Мерика, эти люди в нем не нуждались.

Темноволосый гибкий человек приближался вприпрыжку по главной палубе. Он увернулся от нескольких матросов в синей форме, отскабливающих птичий помет, затем перепрыгнул через контейнер (которому здесь вообще-то было не место) и остановился перед принцем. Это был брат Мерика по Нити, Куллен, служивший старшим помощником на «Яне».

Куллен поклонился.

– Ты рано вернулся.

Когда он выпрямился, Мерик отметил румянец на щеках Куллена и его затрудненное дыхание. Это означало, что может начаться еще один приступ удушья.

– Ты болен? – спросил Мерик, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

Куллен сделал вид, что не услышал, хотя воздух между ними ощутимо похолодал. Верный признак, что Куллен хочет сменить тему. Над его состоянием никто не смел подшучивать – он потратил слишком много лет, чтобы заслужить уважение своей команды. Однако на людей короля Серафина это не распространялось.

На первый взгляд брат Мерика по Нити не очень-то подходил для морской жизни: он был мастером красноречия, много дерзил и не особо любил фехтование. Кроме того, густые брови делали его лицо слишком выразительным для уважающего себя моряка.

Но ветром Куллен управлял безупречно.

В отличие от магии Мерика, сила элемента Куллена распространялась не только на воздушные потоки: он был полноценным Ведуном воздуха и мог управлять еще и жарой, и штормами, а однажды справился даже с сокрушительной силы ураганом.

Однако Мерик ценил Куллена в первую очередь не за магию Воздуха. Главным для принца были острый как лезвие ум брата и уравновешенность, такая же постоянная, как концентрация соли в море.

– Ну, как обед? – спросил Куллен, по-волчьи оскалившись, и воздух снова потеплел.

– Не очень хорошо, – ответил Мерик. Он шел, стуча каблуками по дубовым доскам палубы. Моряки остановились, чтобы отсалютовать. Их кулаки ударили в грудь. Мерик рассеянно кивнул каждому.

Потом он вспомнил, что в кармане спрятано что-то важное. Не замедляя шага, он вытащил салфетки и передал Куллену.

– Вот.

Послышались вздохи. Потом:

– Обьедки, Мер?

– Я сделал одну глупость, – пробормотал Мерик, и его шаги зазвучали чаще и громче, – глупость, которая ни к чему не привела. Есть ли новости из Ловатца?

– Да, но, – Куллен поднял руки, – не о здоровье короля. Единственное, что известно – он по-прежнему прикован к постели.

Плечи Мерики разочарованно опустились. Он не получал никаких подробных сведений о здоровье отца уже несколько недель.

– А тетя? Она вернулась от Ведунов-лекарей?

– Да.

– Хорошо. – Мерик кивнул: хоть что-то. – Отправь тетю Иврону в мои покои. Я хочу расспросить ее о Шерстяной гильдии. – Мерик остановился. – Что такое? Ты на меня покоисился, будто что-то не так.

– Да, – признался Куллен, почесывая затылок. Он метнул взгляд в сторону ветряного барабана на юте, в кормовой части судна. Новый рекрут, чье имя Мерик никак не мог запомнить, чистил две барабанные колотушки. Магическая колотушка для создания резких порывов ветра и стандартная, для сигналов и ритма во время матросских песен.

– Нам надо обсудить это наедине, – в конце концов сказал Куллен. – Речь о... капитанах.

Мерик подавил ругательство, его плечи напряглись. В Венъязу с Мерикиком прибыли четыре военных судна под управлением четырех закаленных капитанов, ведунов Прилива. Двое из них, Бэрн и Себер, относительно неплохо ладили с Мерикиком, явно заинтересованные в будущих заказах, а не в неприятностях.

Но капитаны Хайет и Дза на неприятности буквально напрашивались. Особенно Хайет, с его вызывающе идеальными зубами. Мерик был уверен, что людям с безупречными зубами доверять нельзя, и Хайет служил лишним тому подтверждением. Он был старше Мерики вдвое, воевал вместе с королем Серафином на Великой войне – и явно считал, что должен быть адмиралом. Из-за этого он был готов оспаривать любой приказ, предложение или идею Мерики.

Мерик прошел вперед и распахнул дверь своей каюты.

– Уберите контейнер с моей палубы! – рявкнул он матросам, просто для порядка. – Его не должно быть здесь, когда я выйду. – Затем он прошел в каюту, а Куллен последовал за ним.

– Рассказывай, что произошло, – потребовал Мерик, когда дверь захлопнулась. Он направился к привинченной в правом дальнем углу койке. Стук сапог по темному полу эхом отражался от беленого потолка с выступающими балками.

Куллен тем временем приблизился к длинному столу с картами и бухгалтерскими книгами. Стол был также привинчен к полу. Дубовую столешницу окаймлял трехдюймовый бортик, благодаря которому бумаги не падали во время шторма.

Солнечный свет лился через окно и отражался в коллекции оружия, тщательно развешенного на дальней стене – в идеальном месте, чтобы Мерик мог коснуться стали во сне и оставить на клинке отпечатки своих пальцев.

Рядом с койкой стоял сундук Мерики, прикрепленный к стене. Это был единственный предмет здесь, не принадлежавший королю. Мерику хотелось поскорее избавиться от своего костюма и переодеться в простую темно-синюю форму адмирала. Ничто не могло так унижить его достоинство и уронить и без того шаткий авторитет, как рюши на воротнике.

Конечно, ему придется снова облачиться во все это для участия в вечернем бале – еще одной бессмысленной трате денег, еды и времени. Почему Континентальный военный саммит нужно начинать с танцев?

Куллен ткнул в разложенную на столе карту.

– Хайет утверждает, что у него есть что-то, что, по его словам, «изменит положение вещей».

– Туманно.

Расстегнув мириады пуговиц на сюртуке, Мерик принялся изучать карту вместе с Кулленом. На ней была изображена Сотня островов: тысячи скалистых утесов, песчаных отмелей и коралловых рифов, преграждавших путь к побережью Нубревены.

– Кроме того, – протянул Куллен, – он упоминал что-то насчет Лисиц.

Пальцы Мерика замерли над последними пуговицами.

– Насчет морских лисиц? Или Лисиц?

– Лисиц. То есть пиратов. – Куллен почесал щеку, шурясь на карту. – Иными словами, «мы должны поднять Лисьи флаги».

– Что? – прошипел Мерик. Он прекратил расстегивать рубашку и просто сдернул ее через голову. Потом бросил в сундук и положил руки на стол. Выцветший Знак магии вытянулся неправильным треугольником. – И где же он разжился такой идеей?

– Все, что я слышал, – ответил Куллен, – это что у Хайета есть некие миниатюры от Ведунов эфира.

Куллен взял с края стола маленький кораблик. Это была точная копия «Яны». Если поместить ее на карту, она будет повторять курс настоящего судна.

У Мерика были миниатюры всех кораблей флотилии. На самом деле, всех кораблей нубревенского флота, и вряд ли он нуждался в дополнительных.

– Какие миниатюры?

– Полагаю, кораблей, которые можно ограбить. – Куллен пожал плечами. – Хуже всего то, что другие капитаны заинтересовались. Кажется, только Себеру эта идея не по душе. Думаю, он все еще надеется, что из твоей завтрашней встречи с Шерстяной гильдией выйдет толк. Остальные капитаны...

– Уже сдались, – закончил Мерик.

– Да. – Куллен поставил модель «Яны» на карту. Медленно выдыхая, он повел ее по курсу. Крошечные паруса трепетали.

Мерик перешел к активным действиям, развернувшись к сундуку.

– Собери капитанов. Здесь. Через пятнадцать минут.

– Есть.

Куллен удалился, а Мерик выдернул первую попавшуюся рубашку. Когда он развернул ее, дверь уже широко открылась... а потом щелкнул замок.

Услышав этот звук, Мерик отпустил себя – стиснул зубы и принялся яростно душить воздух, будто это была шея Хайета.

Давным-давно Лисы были нубревенскими пиратами. Они передвигались на небольших полугалерах, подобных первому кораблю Мерика. Эти суда были мельче «Яны», с двумя мачтами и веслами, позволявшими с легкостью проскальзывать между отмелями и барьерными островками – и устраивать засады на более тяжелые корабли.

Но Лисий флаг – змееподобная морская лисица, обвивающая ирис, – на протяжении столетий не поднимался на мачтах. Пираты перестали быть нужны, когда у Нубревены появился свой собственный настоящий флот.

Пока Мерик делал вид, что бьет по дурацким зубам Хайета, за ближайшим окном что-то промелькнуло. Взгляд Мерика метнулся туда, но ничего, кроме высоко плещущихся волн и соседского торгового судна, видно не было.

За исключением... прилива.

Мерик бросился к окну. Это была Венъяза, город болот, и такие высокие волны могло вызвать только землетрясение, которого не бывало уже двадцать лет, – или магия.

И была только одна причина, по которой ведун Воды вызвал бы такие волны у пристани.

Разрушение.

Мерик рванулся к двери.

– Куллен! – взревел он, выскочив на главную палубу. Волны все поднимались, и «Яна» начала крениться.

Двумя судами севернее грузный блондин спустился по трапу торгового корабля на мощеную улицу. Он яростно чесал предплечья, а на его шее Мерик даже на таком расстоянии мог разглядеть чернеющие гнойники.

А волны становились все выше и настойчивее.

Несколько прохожих заметили человека и закричали, но большинство прогуливающихся по шумной набережной еще не видели волн и не слышали криков.

Мерик мгновенно решил бежать на пристань, навстречу человеку, но тот ступил на брусчатку и перестал чесаться. Пока он осматривался, черные гнойники проступили по всему телу, из них сочилась кровь.

Все Разрушенные так делали: когда их колдовство достигало предела, они захватывали ближайшую человеческую жизнь и пировали. Их магия прорастала наружу и проникала в других. Иногда выброс магии был настолько сильным, что разрушал других людей.

Это всегда приводило к смертельному исходу.

Разрушенный остановился, его внимание привлекла девушка в зеленом платье и розовой косынке. Она смотрела на всплески болотной воды, явно растерянная, и еще не заметила этого человека, собиравшегося напасть сзади. Она не знала об опасности и была беззащитна.

Тогда Мерик сделал единственное, что смог придумать, пусть даже рискуя собственной Воздушной магией. Он позвал Куллена, а затем собрал всю свою ведовскую силу, чтобы она подняла его и отнесла как можно дальше.

Спустя секунду Мерик взмыл ввысь с порывом ветра.

Глава 5

Предоставив двоим докерам разбираться с багажом, Сафи только успела выйти из трюма в изнуряющую жару Веньязы, когда в корпус корабля забились волны. Подняв брови, она бросилась к поручням и заглянула в мутные соленые воды гавани.

Пока она наблюдала за растущими волнами, волосы на ее руках встали дыбом, а по спине пробежал холодок.

Потом ее магия истины принесла ясное ощущение неправильности. Огромной, катастрофической неправильности – похуже любой лжи, какую только можно представить.

Чья-то магия разрушалась.

Это чувство уже было ей знакомо: чувство, что магия так разрастается, что может разрушить. То, что раньше происходило изредка, теперь стало частым явлением. Она не знала, почему происходит Разрушение – никто не знал, – но знала, чем оно заканчивается.

Сафи пустилась бежать к трапу – точнее, попыталась. Хоть она и подобрала юбки, они сковывали движения. А потом в голове Сафи молнией отозвался крик Ноэль.

На полушаге и на полпути к трапу Сафи прижала подбородок к груди и покатилась.

Докувыркаясь до досок, она нащупала в сапоге нож. Он предназначался для защиты от меча, но был достаточно острым. Достаточно, чтобы при необходимости выпустить кому-нибудь кишки.

Сафи встала на ноги, выхватила нож и одним движением обрезала юбки. Теперь она могла передвигаться свободнее и быстрее – и с ножом в руке.

Волны били в корабельный бок все сильнее и настойчивее. Ритмичные порывы магии царапали Сафи так, как не ранила бы тысячу раз сказанная ложь.

Торговый корабль раскачивался и скрипел, а затем ударился о пристань.

Время будто замедлилось, а мир перевернулся – верхняя палуба встала на дыбы. Через секунду Сафи смогла оценить ситуацию целиком: разрушенный ведун Прилива, с которым она флиртовала со вчерашнего дня, его кожа, покрытая разлагающейся магией, и черная как смола кровь, сочащаяся из раны на груди.

Буквально в паре шагов – Ноэль на изготовку: юбки порваны, готова к драке. Как и всегда.

А слева, с грацией неопытной летучей мыши со сломанными крыльями, летел какой-то ведун Воздуха. Он размахивал руками, призывая ветер нести его к пристани.

Перед прыжком на набережную с разбитого судна у Сафи было всего две мысли.

Кто этот чертов нубревенский ведун Ветра?

И – ему неплохо бы научиться справляться с пуговицами на рубашке.

Затем Сафи напряглась и тоже словно взлетела, используя толчки качающейся палубы. Она рассекала воздух вытянутыми руками, а потом сгруппировалась, чтобы смягчить падение на негостеприимную булыжную мостовую.

Молодой человек в расстегнутой рубашке приземлился прямо перед ней.

Она завизжала изо всех сил, но ответом ей был только встревоженный взгляд. Сафи отбросила нож в сторону и врезалась в летуна. Они упали на землю, и молодой человек оттолкнул ее, закричав:

– Держись подальше! Я справлюсь с ним сам!

Сафи проигнорировала эту явную глупость. Вся эта путаница заняла непростительно много времени. Она снова схватила нож.

Повернувшись к разрушенному Ведуну прилива, она увидела, как Ноэль приближается к нему в вихре стали, который должен был отвлечь внимание. Безрезультатно. Ведун не сдвинулся с места. Клинки Ноэль вошли в его живот, и черная кровь хлынула с новой силой.

Вывалились почерневшие внутренности.

Вода ринулась на улицу. Хруст корабельного дерева о камни оглушал. Пошла вторая волна, а за ней и третья.

– Куллен! – заорал нубревенец позади Сафи. – Придержи воду!

Мощный поток магии окатил тело Сафи наподобие теплого душа и помчался навстречу наступающей воде.

Заколдованный ветер схлестнулся с водой, волны попятились и закипели пеной.

Но Ведун прилива не обращал внимания на происходящее. Его потемневшие глаза сверлили Сафи. Шипя, как змей, он бросился на нее.

А она могла только стоять и смотреть.

Ведь это был Герог. Рулевой корабля. Уроженец Сводена, сестра которого...

– Прочь! – закричала Ноэль, оттаскивая Сафи в сторону.

Это произошло за секунду до того, как Герог ринулся к ней, подобно вихрю. Его окровавленные руки вцепились в нее. Сафи подпрыгнула, чтобы ударить.

Ее каблук врезался ему в колено. Колдун пошатнулся и наклонился вперед, а Ноэль усугубила падение, нанеся удар снизу и попав сапогом ему по подбородку.

Разрушенный упал на камни. Черные гнойники по всему телу прорвались и залили улицу кровью.

Но Герог был еще жив, еще в сознании. Он оглушительно заревел и попытался принять вертикальное положение.

Но тут вмешался нубревенец. Он подкрадывался к Разрушенному поближе – и тут же разворачивался и оказывался вне досягаемости.

От паники у Сафи перехватило горло.

– Что ты делаешь? – вскрикнула она.

– Я же говорил, я сам! – проревел он. Затем раскинул руки и с порывом магии, вспышкой отозвавшимся у Сафи в груди, ударил по ушам Разрушенного. Воздух взорвался у того в голове. Черные глаза закатились.

Ведун прилива по имени Герог обмяк на мостовой. Мертвый.

* * *

Ноэль откинула юбку и спрятала клинки обратно в потайные кожаные ножны. Оказавшиеся рядом далмоттийцы осеняли себя знаком Инан.

Проводя двумя пальцами перед глазами, они просили свою богиню и Эфир спасти их души.

Будто Ноэль было дело до их душ.

Однако ее действительно волновало, чтобы с неприятностями на сегодня было покончено. Поэтому, приближаясь к мертвому ведуну, она поправила косынку на волосах и порадовалась, что та не слетела полностью во время боя.

После того как ведун упал, она сразу сосредоточилась на дыхании, чтобы убедиться, что ее не разрушило. При таком мощном выбросе магии, да еще так близко, собственная сила легко может выйти из-под контроля. Но Ноэль не почувствовала ничего необычного, разве что Нити вокруг светились ярче. Оттенки были резче. Это даже пугало.

Убедившись, что волосы и лицо достаточно прикрыты, а рукава надежно спрятали ее бледную кожу, Ноэль нащупала Нити Сафи, так что теперь могла найти ее среди толпы.

Но ее глаза и магия нащупали что-то еще. Нити, каких она раньше не видела. Прямо рядом с ней... на трупе.

Ее взгляд скользнул по телу Разрушенного. Почерневшая кровь... и кое-что еще сочи-лось из его ушей на булыжники. Гнойники на коже все еще извергали маслянистую субстан-цию, брызнувшую на юбку и промокший от пота лиф Ноэль.

Хотя Разрушенный был несомненно мертв, в его груди, подрагивая и сворачиваясь, еще светились три Нити. Короткие Нити. Порванные Нити.

Это было невозможно: мать Ноэль всегда говорила, что у мертвых не бывает Нитей... Да и на церемониях огненного погребения номаи, куда Ноэль брали ребенком, она ни разу не видела Нитей на трупе.

Она понятия не имела, что не так и с кем именно: с ведуном или с ней самой. Однако Ноэль понимала – это так страшно, что обделаться можно. В буквальном смысле – ее живот будто опустел, а колени ослабели.

Пока она смотрела, толпа начала смыкаться. Зеваки окружили тело со всех сторон, и Ноэль приходилось щуриться, чтобы увидеть что-то через их Нити. Чтобы пробиться через все эмоции.

Да еще над головами парили тонкие, цвета морской волны Нити, которыми до сих пор была связана вся команда пакетбота. Они светились и дрожали, будто от боли.

Теперь Ноэль был слышен их плач. Грубоватый своденский язык наряду с быстрой далмоттийской речью. Они оплакивали павшего товарища; но еще больше боялись того, кем он стал. Боялись стать следующими.

Потом рядом мелькнула одна Нить – малиновая, сердитая. Ее сопровождало осиное жужжание.

– Ты кем себя возомнил? – спросила Сафи. – У нас все было под контролем.

– Под контролем? – переспросил мужской голос с резким акцентом. – Я только что спас вам жизнь!

– Ты не разрушен? – Голос Сафи прозвучал резко, а Ноэль поморщилась от неудачно подобранного слова. Особенно учитывая, что магия этого человека их действительно спасла.

Но, конечно, Сафи еще не освободилась от своего ужаса и боли. От своих бушующих Нитей.

Она всегда была такой, когда происходило что-то по-настоящему плохое. Она либо убегала со всех ног, либо подавляла нежелательные эмоции.

Для этого существовали разрушенные Нити. Короткие Нити оборванной связи, глубо-кой душевной боли, злости и ярости такой силы, что они поглощали человека целиком. Сафи так горевала из-за разрушенного Ведуна прилива, что нубревенцу стоило быть поаккурат-нее, если он не хотел остаться без потомства.

Или еще чего похуже.

– Твои глупые кренделя с магией воздуха, – продолжила Сафи, почти срываясь на крик, – чуть нас не убили! Надеюсь, тебя ждет весь огонь вашего нубревенского ада!

– Нубревенский ад мокрый, – ответил молодой человек.

Ноэль принялась проталкиваться через толпу. Ей нужно было добраться до Сафи, пока Нити той не начали рваться. Пока Сафи не стала еще опустошеннее и злее, чем была.

Когда Ноэль наконец проскользнула поближе и отстранила заплаканного моряка, заго-родившего ей путь, она увидела, как Сафи сгребла в горсть расстегнутую рубашку нубре-венца.

– Все нубревенцы так одеваются? – Сафи потянула за другую полу его рубашки. – Вот это должно быть продето сюда.

К своей чести, юноша стоял неподвижно. Но его лицо вспыхнуло румянцем – как и его Нити, – а губы плотно сжались.

– Я знаю, – выдавил он, – что делать с пуговицами. – Он надавил на запястья Сафи, чтоб убрать ее руки.

Плохая идея, подумала Ноэль и открыла было рот, чтобы предупр...

На руке Ноэль сомкнулись пальцы. Прежде чем она успела освободиться, человек вывернул ее руку за спину.

Боковым зрением она видела пульсирующую Нить терракотового оттенка. Это был знакомый оттенок раздражения, который годами сопровождал все истерики Сафи. Это был Хабим.

Искра воодушевления, не покидавшая Ноэль с тех пор, как они покинули Онтигуа, пару раз мигнула и угасла полностью.

Раз Хабим здесь, до пристани им не добраться. Не добыть денег мошенничеством и игрой в таро.

И никакой Сотни островов.

Хабим еще плотнее прижал запястье девушки к спине и прорычал:

– Пошли, Ноэль. Туда, в проулок.

– Ты можешь меня отпустить, – сказала она бесцветным голосом. Она видела Хабима только краешком глаза. На нем почему-то была серо-синяя ливрея дома Хасстрель... или, во всяком случае, что-то очень похожее.

Хабим снова крутанул ее руку, и в горле Ноэль образовался горячий комок. Но она пошла. К узкому проходу между грязным трактиром и еще более грязным магазином поношенной одежды.

– Демон Пустоты? Ты назвал меня Демоном пустоты?! – разнесся над толпой вопль Сафи. – Я говорю по-нубревенски, ты, конская задница!

Остаток проклятий Сафи прозвучал на нубревенском языке и был поглощен шумом толпы.

Ноэль ненавидела, когда Нити Сафи начинали сверкать так ярко, что застилали все остальное и в глазах Ноэль, и в ее сердце.

– Она сейчас кому-то навредит, – сказала она Хабиму.

– Нет, она этого не сделает. – Он вел ее мимо одноногого нищего, воспевающего Великую войну. – Этот Ведун воздуха в состоянии с ней справиться.

Они достигли входа в проулок, и Хабим грубо втолкнул туда девушку.

Она шагнула на небольшой темный пятачок, под сапогами захлюпали невидимые лужи, а в нос ударила вонь кошачьей мочи.

Ноэль высвободила запястье и повернулась к своему наставнику. Такое поведение не было характерно для вежливого Хабима. Безусловно, он был смертельно опасен. Его отправили охранять Сафи в университете именно из-за многолетнего опыта в убийствах людей, а его Знак магии был закрашенным треугольником Огня. Но при этом Хабим обладал мягким голосом и хорошими манерами. Всегда был спокойным и сдержанным.

Тем не менее, так же как тело Ноэль, казалось, вышло из-под контроля, так и Хабим ничем не напоминал себя самого. Он действительно был одет в ливрею Хасстрелей – лакейскую, судя по фалдам мундира и высоким чулкам. А лицо его было искажено яростью.

– Что, – прорычал он, наступая на Ноэль, – что вы делали? Вот так запросто вытащив оружие? Черт побери, Ноэль, надо было бежать.

– Этот ведун Прилива, – начала она, но Хабим продолжал наступать. Он не отличался высоким ростом, и последние три года их глаза находились на одном уровне. Темные красивые глаза, в которые она когда-то была немного влюблена.

До тех пор, конечно, пока не увидела, какие Нити связывают Хабима и Мустефа: Нити любви. Настоящей любви.

Сейчас эти красивые, окруженные морщинками глаза были выпучены от гнева. Они сверкали в сумраке, а его Нити стали яростно-красными.

– Разрушенный – проблема стражи, а вот стража – теперь наша проблема. Разбой, Ноэль? Ограбление мастера гильдии? Вот как вы решили провести время, пока нас с Мустефом не было рядом?

Нити Хабима засверкали еще ярче, и Ноэль поджала губы. Спокойствие, сказала она себе. Спокойствие в твоих руках и пальцах. Она – ведьма Нитей, и злость Хабима не выбьет ее из колеи.

– А что стражники Веньязы, – спросила она, довольная тем, что голос не дрогнул, – они разыскивают нас с Сафи?

– Разумеется. – Хабим неопределенно махнул рукой в сторону пристани. Ноэль могла слышать только отдаленный рокот барабанов, возвещающий о приближении стражи Веньязы. Они должны обезглавить тело Ведуна прилива, как гласит закон Далмотти в отношении всех трупов Разрушенных. По какой-то причине в этой империи бытовало поверье, что обезглавливание помешает разрушенной магии распространяться. Хотя, насколько было известно Ноэль, это не играло никакой роли.

– Мастер гильдии Йотилуцци, – сказал Хабим чуть спокойнее, – отправил на поиски двух девушек всю стражу Далмоттийской империи. Одна с мечом, другая с изогнутыми клинками. Сколько людей дерется на изогнутых клинках, Ноэль? Это, – он указал на ее ножны, – очевидно. Стража должна только задержать вас как подозреваемых, а потом вас обнюхает ведун Крови.

– Ах, – вздохнула Ноэль. Ведун. Крови. Ведун. Крови. – Он здесь?

– Да, и об этом все говорят. Он реален, ты понимаешь это? Он пришел из Пустоты и с удовольствием перережет тебе горло.

Ноэль слотнула и почесала ключицу. Спокойствие.

– Думай, Ноэль! Думай! – Хабим наклонился к ней, его Нити пульсировали серым страхом. – Ты номаци. В этой стране тебе защиты искать негде. Даже за ношение оружия в общественных местах тебя повесят.

Хабим развернулся на каблуках и отошел на три шага. Затем сделал три шага обратно. Рокот барабанов приближался; в трактире разбился стакан.

Нити Хабима окрасились синей грустью. Когда он снова заговорил, его голос был напряженным.

– Вы собирались покинуть Онтигуа, так? Вы планировали бежать, пока мы с Мустефом были в отъезде. Я знал, что Сафи пугает перспектива стать доньей Хасстрель, но... Но я не думал, что она решится бежать. По крайней мере, так скоро.

Ноэль не ответила – Хабим знал, что говорит правду. К тому же она не была уверена, что язык послушается ее.

Хабим остановился и посмотрел на Ноэль из-под тяжелых век.

– Вы бы... уехали, не попрощавшись?

Девушка снова слотнула. Как она и опасалась, дурацкое заикание вернулось. Факел выгорал.

– Н-нет, – выдавила она. – Мы хотели уехать, а ты служишь Эрону. Ты бы остановил нас. Ты уже нас остановил.

Хабим покачал головой.

– Я знаю, что вы с Сафи не понимаете нашей верности Эрону, но вы поймете. Думаю, скоро.

Ноэль сомневалась в этом.

– Ты больше не будешь кричать на меня, Хабим? Мне нужно вернуться к Сафи.

Он глубоко втянул ноздрями воздух. Ноэль наблюдала, как Хабим пытается справиться с эмоциями. Черты его лица смягчились, Нити приобрели оттенок синего спокойствия, а спина выпрямилась.

– Ты не вернешься к Сафи, – сказал он наконец. – Ты останешься в этом проулке. Я говорил тебе, Ноэль, вас разыскивают по всей империи Далмотти.

– Куда же нам теперь идти? – спросила она наконец. – В кофейню Мустефа в Венъязе?

– Не нам, Ноэль. Только тебе. Тебе нужно уйти из города. Подальше от стражи и ведуна Крови. Ты знаешь, куда.

У Ноэль окончательно перехватило горло. Язык распух и еле шевелился.

– Н-нет. Нет, нет, нет. Только не туда, Хабим. Куда угодно, только не туда.

Выражение лица Хабима смягчилось. Его Нити мерцали персиковой нежностью.

– Мы с Мустефом все подробно обсудили. Теперь, когда за вами охотится Ведун крови, нет такого места, где вы будете в безопасности. Титул Сафи защитит ее, но тебя...

Хабим не стал заканчивать мысль. Титул Сафи служил ей защитой, но происхождение Ноэль было ее проклятием.

– Есть ли вокруг поселка стены? – продолжил Хабим. – Ловушки, с которыми не справится даже ведун Крови? Он будет идти по следу, Ноэль. Услышав о девушке с изогнутыми клинками на пристани, он начнет поиски.

Ноэль подняла руки. Потерла щеки. Виски. Но она едва чувствовала прикосновение пальцев к коже, так же, как еле слышала отдаленный ропот толпы и гул барабанов стражи.

Это было ошибкой. Приезд в Венъязу был огромной, катастрофической ошибкой. Сафи и Ноэль не удастся отправиться к Сотне островов, а Ноэль теперь вынуждена искать убежища в единственном на весь континент месте, в которое не хотела попасть.

– Ты уйдешь всего на одну ночь, – сказал Хабим, подходя вплотную. – Одна ночь, Ноэль, обещаю. Там есть постоянный двор под названием «Боярышниковый канал». В нескольких кварталах в ту сторону. – Хабим махнул рукой в конец переулка. – Там ты можешь нанять лошадь, а на северной окраине города располагается еще один постоянный двор того же владельца. Завтра на закате вернешь лошадь, а я тебя встречу.

– Что... если... – Голос Ноэль глухо отдавался у нее в ушах. – Ведун Крови... что, если он... с-следит?

– Завтра он нас уже не побеспокоит. Мы знаем кое-кого, кто с ним договорится.

– Кое-кого. – Ноэль моргнула. – То есть... ты будешь занят. И ты, и Мустеф. Зачем? Зачем Сафи в городе?

Хабим отстранился, будто избегая ответа, но Ноэль шагнула вперед. Схватила его за рукав.

– Если ты собираешься меня отослать, т-так хотя бы объясни, зачем. Что должно меня удержать от того, чтобы забрать Сафи и прыгнуть на первый попавшийся корабль, идущий отсюда?

Хабим посмотрел на девушку так пристально, будто это ему были видны ее Нити. Как будто он мог отличить правду от лжи.

– Сафи, – сказал он спокойно, – была рождена доньей. Ты должна помнить об этом, Ноэль. Она здесь, чтобы исполнить свое предназначение. Когда она поймет, чего от нее ждут, то согласится. Я обещаю. А это значит, что ты не сможешь ее удержать. Не здесь. И не сегодня.

Дыхание Ноэль прервалось. Она испытала внезапное желание наблестить Хабиму на сапоги. Конечно, она всегда знала, что придет день – и она станет для Сафи такой же обузой, какой была для матери. Когда она вмешается в жизнь Сафи, когда лишит ее титула и богатства, с которыми та родилась. Ноэль просто не ожидала, что этот день настанет так скоро...

Стыд – с трудом определила она свое чувство. Должно быть, это стыд.

Через несколько долгих мгновений Ноэль выдохнула, желая избавиться от мыслей и стыда. Логика снова взяла верх, обдав ее холодным потоком и вернув подвижность языку.

Логика подсказывала ей, что в племени Миденци действительно можно скрыться от ведуна Крови и стражи Далмотти. Еще она говорила ей, что необходимо покинуть город, а Сафи пусть станет той, кем должна быть.

Так что Ноэль склонила голову, как ученица, признающая правоту своего учителя. И когда она подняла глаза, Хабим кивнул. Это был кивок бывшего солдата Огненной армии.

– Отдай мне свои клинки, – потребовал Хабим. – Лучше, чтобы их при тебе не оказалось, а ты вряд ли захочешь их выбросить.

– Конечно, нет, – ответила Ноэль, не сделав ни малейшего движения, чтобы отстегнуть ножны.

– Ноэль, я верну их тебе завтра.

– Они принадлежат только мне.

– Я знаю, – сказал Хабим; его Нити покрылись виноватой ржавчиной. – Но ты номаци. Это незаконно, и мы не можем рисковать.

Она почесала нос, пробормотала «хорошо» и отстегнула клинки. Почти по-детски порывисто сунула их Хабиму, который взял оружие с грустным вздохом и голубоватым мерцанием Нитей.

Жестом он велел Ноэль отправляться в глубь проулка.

– Тут есть дверь, ведущая в кухню трактира. У них в глубине – небольшой сад. Ты сможешь перемахнуть через забор. В нескольких кварталах к востоку найдешь «Боярышниковый канал». – Он сунул руку в карман жилета. – Этого должно хватить, чтобы нанять лошадей.

Ноэль взяла пиастры, прежде чем развернуться к ветхой двери. Через щели в дереве был слышен звук шинкующих ножей и кипящих горшков.

Внезапно в проулке эхом отозвался грохот барабанов. Стража была здесь. Тем не менее, рука Ноэль задержалась на ржавой ручке: она не могла не оглянуться на человека, который почти что стал для нее отцом.

– Это было бы не насовсем, Хабим. – Она дернула носом. – Однажды мы нашли бы вас с Мустефом.

Плечи Хабима слегка поникли.

– «Однажды» наступает не всегда, Ноэль. Особенно во время войны, когда будущее покрыто мраком.

Ничье будущее не ясно. Ноэль наморщила лоб. Вонь от мочи разъедала ей глаза, но она заставляла себя повторять эти слова. Ничье будущее не ясно.

Хабим был, безусловно, прав, и это означало, что Ноэль не может просто так оставить Сафи – без последней весточки. Чего-то такого, что только Сафи поймет. Ноэль отступит перед титулом Сафи, и это только на одну ночь, но что будет завтра?

– Можешь передать Сафи кое-что от меня? – спросила Ноэль. Ее слова звучали спокойно, как часть простого плана. Дождавшись кивка Хабима, Ноэль продолжила: – Передай Сафи, что мне жаль ее оставлять, и пусть постарается сберечь мою книгу. И... О. – Ноэль подняла брови, будто вспомнила что-то. – Еще передай, чтобы не перерезала тебе горло. Уверена, она попытается, когда узнает, что ты меня отослал.

Затем, не говоря ни слова, Ноэль распахнула дверь и вошла в жаркую многолюдную кухню. Она знала, что Хабим не поймет истинного смысла послания, а вот Сафи разберется.

Это значило, что Ноэль и Сафи увидятся очень скоро – и в этом будущем Ноэль могла быть уверена.

Глава 6

По мере приближения барабанного рокота гнев Сафи и ее желание накричать на молодого нубревенца нарастали. Когда он, все еще в расстегнутой рубашке, зашагал к своему кораблю, сопровождаемый гибким и энергичным мужчиной, она не погналась за ними только потому, что потеряла из виду Ноэль.

Ее отчаянные поиски сестры по Нити были прерваны, когда грохот шагов и барабанов внезапно прекратился. Когда толпа на причале притихла.

Свист воздуха, глухой стук... Всплеск.

Сердце Сафи упало, ее ярость утихла так же быстро, как и поднялась. Она побрела обратно к телу Герога и увидела его когда-то красивое лицо, сейчас почерневшее и лоснящееся гноем, прижавшееся к мостовой.

Она всмотрелась в его пустые, неживые глаза. От рулевого ничего не осталось. Он жил и улыбался... а теперь погиб.

Долгое время тишину нарушало только воркование голубей, ветер и рокот спокойных волн.

Потом сдавленный всхлип другого, светловолосого моряка разрезал тишину, как зазубренный нож. Он отозвался у Сафи в ушах и толкнулся в ребра. Небольшой завершающий аккорд, заполнивший пустоту.

Сафи хотелось блевать. Или рыдать. Или рухнуть на колени рядом с Герогом и просить прощения.

Ноги у нее подкосились. Она коснулась безжизненной шеи Герога, чтобы приложить его голову к плечам, как это и должно было быть, – и в тот же момент на ее плечо легла чья-то рука.

Хабим.

На протяжении нескольких бесконечных секунд Сафи могла лишь безмолвно смотреть на своего старого телохранителя. А потом пришли потрясение, ужас и осознание непоправимого.

Хабим был здесь. Здесь. Это означало, что Сафи и Ноэль обнаружены.

– Пошли, – ворчливо сказал Хабим. – Экипаж там.

– Мне нужно найти Ноэль, – перебила Сафи, не двигаясь с места и не мигая.

– Она ушла в безопасное место, – ответил Хабим.

Ушла. Просто... ушла.

«Это правда», – подсказала Сафи ее магия, – и на смену ужасу пришла зубодробительная ярость. Сильнее, чем по отношению к тому нубревенцу. Сильнее, чем она чувствовала по отношению к себе после неудачного ограбления.

– Куда, – выдохнула она, – куда ты ее отправил, Хабим?

– Я все объясню в экипаже.

Сафи схватила Хабима за ворот и дернула его на себя, оказавшись с ним нос к носу.

– Ты объяснишь сейчас.

Его взгляд без всякого интереса скользнул по пальцам на воротнике. Сейчас он мог сломать Сафи запястья. И он, и она это знали.

Но Сафи было все равно.

Хабим всегда был более нервным, чем другие ее наставники. Он будто жил на секунду быстрее остального мира и не проявлял долготерпения по отношению к Сафи. И она снова его нервировала.

– Я все объясню в экипаже, Сафия фон Хасстрель, и ты послушаешься, не устраивая сцен. – Голос Хабима был таким же бесцветным, как у Ноэ. – Нанятый мастером гильдии Йотилуцци Ведун крови может появиться здесь с минуты на минуту.

«Правда».

– Будет проще скрыться от него в экипаже. А теперь отпусти меня.

Сафи разжала пальцы, но не сделала ни единого шага к карете.

– Ведун Крови здесь? В Венъязе?

– С самого утра. Его хозяина вызвали на Военный саммит. А теперь пошли.

Хабим направился к неприметному, затянутому черным экипажу, и Сафи, прямая как корабельная мачта, пошла за ним.

– Объяснись, – потребовала она, как только устроилась внутри. Хабим закрыл дверцу и задернул тяжелую черную занавеску на окне экипажа. Она приглушила портовый шум, в карете стало совсем темно.

Хабим сжато изложил историю о преследовании двух девиц всей стражей Далмотти. Пока он говорил, Сафи ощущала, как искажается ее лицо. Карета сорвалась с места, а ее пальцы до боли впились в бедра. Хабим дошел до того момента, когда он отправил Ноэль в поселок Миденци. Сафи метнулась к двери.

Хабим перехватил ее, прежде чем она успела повернуть ручку.

– Если ты откроешь дверь, – рявкнул он, – или даже просто отдернешь занавеску, ведун Крови наверняка тебя почует. Занавеска сделана из жил саламандры и блокирует запах твоей крови. Монах попадет на причал, но не сможет следить за нами. Ноэль отправилась к своему старому дому добровольно, Сафи.

Сафи замерла, в глазах помутилось от недостатка воздуха. Она не могла поверить, что Ноэль без сопротивления пошла домой. Это была какая-то нелепица, но магия кричала, что это правда.

Так что она кивнула, и Хабим отпустил ее. Сафи откинулась на сиденье и поджала ноги. Никогда еще она не ненавидела Хабима так сильно – а ведь за прошедшие годы поводов было достаточно. Всякий раз, как он наказывал ее за то, что ушла слишком далеко от замка. Всякий раз, когда просто позволял дяде запереть ее или отхлестать по ногам крапивой. Всякий раз, как он заставлял ее тренировать удары, пока костяшки не будут разбиты в кровь, до мяса.

За все это она ненавидела Хабима, но сейчас было еще хуже. Потому что он причинил вред не ей. Он причинил вред Ноэль.

– Ты вообще понимаешь, что натворил? – спросила она срывающимся голосом. – Ты отправил Ноэль в логово горной летучей мыши. Ей повезет, если она выйдет оттуда всего лишь с несколькими новыми шрамами – если вообще выйдет.

Атмосфера в экипаже была предгрозовой.

– Разве тебе никогда не было интересно, – продолжила Сафи, – откуда эти шрамы у нее на груди? Или почему она никогда не говорит о своем доме? – Сафи злобно хохотнула. – Ноэль была бы сейчас мертва, если бы семь лет назад, когда она сбежала из поселка, ее не нашла каравенская монахиня. Второй раз ей вряд ли так повезет.

Сафи подняла голову и увидела затихшего Хабима. Экипаж с грохотом остановился, но он не пошевелился. Его глаза смотрели на что-то, что мог видеть только он.

– Но, – хрипло сказал он, – она пошла добровольно. – Короткое молчание. Потом он резко оживился и бросил взгляд на Сафи. – Это твоя вина. Это была твоя идея с грабежом – я знаю, что твоя. Только ты можешь быть настолько безрассудной дурой! А Ноэль пошла за тобой, как и всегда.

– Ты отослал ее, – прорычала Сафи, с ненавистью ощутив, как его слова отозвались в голове: «Правда, правда, правда!»

– И я верну ее, как только смогу, Сафи.

– Недостаточно быстро.

– Значит, надо было думать, что делаешь! – Слова Хабима заполнили весь экипаж, его грудь тяжело вздымалась. – Эрон вызвал тебя не без причины, Сафи, а теперь ты осложнила – если вовсе не разрушила – двадцатилетний план. – Он осекся и плотно сжал губы, будто не хотел, чтобы конец фразы вырвался наружу. Потом резко выдохнул и сел на место.

Двадцатилетний план, подумала Сафи, догадавшись, о чем Хабим сейчас проговорился. Он мог не продолжать – Сафи уже все поняла. Мустеф всегда наставлял ее: сказанное не так важно, как несказанное.

Сафи явно нужна была в Веньязе как часть какого-то колоссального плана, который также требовал удалить Ноэль из поля зрения. И ясно было, что Ведун крови на хвосте у Сафи может этому плану помешать.

Сафи заставила себя последовать примеру Хабима – снова откинуться на сиденье и расслабиться. Ей необходимо было все продумать, как это обычно делала Ноэль. Ей нужно было проанализировать ее противников и рельеф местности...

Но рассуждения и анализ не были ее сильной стороной. Всякий раз, как она пыталась собрать воедино свой день, он и дальше распадался на отдельные куски, которые еще труднее было объединить.

Для этого Сафи была нужна Ноэль. В этом она на Ноэль полагалась. Действие и движение – вот что давалось Сафи по-настоящему хорошо.

Ее руки нащупывали ножи. Пальцы на ногах были поджаты – она в любой момент была готова вскочить.

– Не трогай оружие, – протянул Хабим. – Так или иначе, что ты можешь сделать, Сафи? Убить меня?

– Сбежать, – сказала она тихо. Ее пальцы по-прежнему нервно блуждали.

– Чтобы в итоге тебя нашел Ведун крови, – парировал Хабим. – До тех пор пока ты с нами, ты в безопасности. Мы предприняли меры, чтобы с ним справиться. К тому же... – Он откинул край занавески и быстро выглянул наружу. – Ноэль не хочет, чтобы ты меня убивала. На самом деле, – он отпустил занавеску, – полностью ее сообщение звучало так: она просит прощения, просит тебя не потерять книгу и не перерезать мне глотку.

Сафи наконец убрала руки с ножей. Выпрямилась.

– Ноэль... извинилась? – Это не было похоже на Ноэль, особенно если случившееся не было ее виной.

Это была тайная весточка.

Не перерезать глотку Хабиму – означало ждать. Делать, что велит Хабим. Хорошо. Пока что Сафи подчинится. Но книга... Сафи не могла разгадать эту часть сообщения.

– Вещи Ноэль и мои, – медленно сказала Сафи, – все еще на корабле.

– Их доставят в наше жилище.

Еще раз выглянув за занавеску, Хабим постучал в крышу. Затем посмотрел на Сафи сверху вниз.

– На территории этого поместья ты будешь в безопасности, Ведун крови тебя не достанет. Только запомни, Сафи: я просто хочу защитить тебя и Ноэль. Вы обе... – Он сглотнул, по лицу пробежала судорога. – Вы обе – смысл жизни моей и Мустефа. Пожалуйста, не забывай об этом. – Затем, не сказав больше ни слова, Хабим выскочил в дверь экипажа и растворился в суете городского дня.

Дрожа всем телом и сжимая кулаки, Сафи вышла на улицу. Шум копыт, колес и каблучков заглушали грохот ее сердца. Перед ней были железные ворота, ведущие в заросший сад.

Это был зажиточный квартал Веньязы. Когда Сафи приблизилась к воротам, за розами и жасмином ей удалось разглядеть дом со множеством колонн.

На несколько долгих секунд Сафи остановилась и стала прикидывать пути к бегству. Ноги притопывали от нетерпения. Горло горело жаждой стремительного ветра.

Но она знала, что от этой злости убежать не получится. Невозможно убежать от глубокой ненависти к себе. Все разваливалось, и это была ее вина. Им с Ноэль понадобились деньги, а потом она привлекла к себе внимание Ведуна крови. Герог был разрушен, и Сафи пришлось драться с ним не на жизнь, а на смерть.

Теперь Ноэль вынуждена в одиночку расплачиваться за ошибки Сафи, а Герог мертв. Мертв.

Всегда получалось именно так. Сафи что-нибудь начинала, а кто-то другой расхлебывал. На протяжении семи лет этим кем-то была Ноэль... Но сколько еще ошибок Сафи должна совершить, чтобы Ноэль сказала – довольно? Однажды она сдастся, как и все остальные. Сафи оставалось только отчаянно молиться, чтобы это произошло не сегодня.

Ее магия указывала, что это неправда. Иначе Ноэль не передала бы весточку через Хабима и не попросила бы найти книгу. Что ж, Сафи сможет прочесть книгу и разгадать шифр Ноэль, если зайдет в особняк, как было велено.

Так что, вдавив сжатые кулаки в бедра, она подошла к калитке и позвонила.

* * *

План Ноэль, который она попыталась передать в шифровке Сафи, состоял в том, чтобы нанять лошадь, как сказал Хабим, а затем добраться до одного перекрестка к северу от Веньязы.

Когда Ноэль читала каравенскую книгу во время путешествия через море Яданси, она пометила страницу с описаниями разных монашеских подразделений. Одна красочная миниатюра была особенно важна. Она называлась «Монах-целитель» и повествовала о том, что магически одаренные монахи обучались боевым искусствам наравне с остальными. Но монахи-целители не использовали мечи, а, наоборот, путешествовали по континенту, оказывая помощь и принося исцеление.

Одна такая монахиня спасла Ноэль семь лет назад, когда та, окровавленная и избитая, сбежала из своего племени и надеялась лишь на то, что Мать-Луна приберет ее душу. Каравенская сестра, женщина с серебристыми волосами, нашла тогда Ноэль на перекрестке, лежавшем в нескольких милях к северу от Веньязы. Там на горизонте был виден полуразрушенный маяк, а воздух густо пах серой. Ноэль запомнила лишь успокаивающий голос монахини и ее успокаивающую магию.

Позже в тот день Ноэль проснулась в одиночестве, выздоровевшая, и смогла закончить свое путешествие в Веньязу.

Оставалось надеяться, что Сафи найдет отмеченную страницу, вспомнит эпизод с Ноэль и монахиней-целительницей и догадается, что Ноэль надо искать на том самом перекрестке.

План Ноэль еще не был продуман как следует, когда на ее пути возник каравенский монах.

Ноэль только что нырнула в проулок на задворках пристани, как и велел Хабим. Подсчитав многочисленные бронзовые пиастры, выделенные ей на лошадь, она отыскала на обочине торговца, у которого копец на пальцах было больше, чем зубов во рту. Три монеты спустя она стала гордой обладательницей коричневого плаща, провонявшего плесенью и элем.

Скривившись от вони, она натянула поглубже колючий капюшон и продолжила свой путь среди лошадей и повозок, торговцев и лакеев гильдий, а также Нитей всех мыслимых

оттенков и степени прочности. В конце концов она увидела деревянную табличку, на которой через трафарет было написано: «Боярышниковый канал».

Ноэль заметила что-то еще. Ослепительную вспышку белого среди множества оттенков толпы Венязы.

Каравенский монах без Нитей. Никто.

Ведун. Крови. Ведун. Крови.

Ноэль похолодела. Она застыла на полушаге, наблюдая, как монах удаляется вниз по улице. Он явно охотился. Каждые несколько шагов он останавливался, и островерхий капюшон клонился вниз, будто ведун нюхал воздух.

Именно отсутствие у него Нитей будто парализовало Ноэль. Она думала, что просто упустила из виду его Нити в суматохе боя два дня назад, но нет, их действительно не было.

Это невозможно.

У всех есть Нити, и точка.

– Интересуетесь коврами? – спросил продавец в насквозь пропитанном потом халате, страдающий одышкой. – Мои ковры прямиком из Азмира, но я дам вам хорошую скидку.

Ноэль вскинула ладонь.

– Отойди от меня, или я отрежу тебе уши и скормлю крысам.

Как правило, эта угроза отлично действовала. Как правило, однако, Ноэль была в Онтигуа, где оттенки Нитей были приглушенными, а ее бледная кожаномаи мало кого волновала. И, как правило, с ней была Сафи, которая могла показать зубки и всех напугать.

Сегодня ничего этого у Ноэль не было, и в отличие от Сафи с ее мгновенной реакцией, которая сбежала бы, как только обнаружила монаха, Ноэль могла только тупо стоять, тратя время на оценку местности.

За эти пару секунд, пока Ноэль пыталась собраться с мыслями, торговец коврами приблизился вплотную и, прищурившись, заглянул под капюшон.

Его Нити полыхнули белым страхом и черной ненавистью.

– Грязная матци, – прошипел он, проводя пальцами по глазам. Затем рванулся, повысил голос и откинул назад капюшон Ноэль. – Пошла вон, грязная матци! Прочь!

Ноэль вряд ли нуждалась в повторении и наконец-то сделала то, что сделала бы Сафи, – побежала.

Ну, или попыталась убежать, но вокруг нее уже сомкнула кольцо толпа зевак. Куда бы она ни повернулась и ни бросилась, всюду были эти взгляды, прикованные к ее лицу, коже, к ее волосам. Она отпрянула от Нитей блеклой опаски и серо-стального насилия.

Суматоха привлекла внимание каравенца. Он остановился. Повернулся на нарастающий шум толпы...

И посмотрел прямо на Ноэль.

Время замедлилось, а толпа будто расплывалась, превращаясь в полотно из Нитей и звуков. Каждое биение сердца ощущалось как вечность. Все, что видела Ноэль – глаза молодого монаха. Краснота сквозила в глазах самого светлого голубого оттенка, что ей приходилось видеть. Будто кровь сочилась сквозь лед. Как Нить сердца, обвивающая Нить синего понимания. Ноэль смутно удивилась, что не заметила безбрежной лазури его глаз при первой встрече.

Когда все эти мысли пронеслись в ее голове со скоростью тысячу лье в секунду, ей стало интересно, действительно ли он причинит ей вред, как все боялись...

Затем монах растянул губы и ощерился. Застывшее мгновение было разрушено. Время снова пошло вперед, восстановив обычную скорость. Или даже увеличив ее.

И Ноэль наконец побежала, держась за серой лошадью. Она пихнула лошадь – сильно – локтем в круп. Животное встало на дыбы. Молодая всадница закричала, и от этого визга и отчаянного ржания лошади вся улица заволновалась.

Оранжевые трепещущие Нити проплывали вокруг Ноэль, но она едва замечала их. Она уже протолкалась на один квартал назад. Через ближайший канал был перекинут мост. Может быть, если она успеет пересечь канал, Ведун крови потеряет след.

Ее ноги месили грязь, перепрыгивали через попрошайек, огибали телеги; затем, на полпути к мосту, она бросила взгляд назад – ох, лучше бы она этого не делала. Ведун Крови преследовал ее и определенно не отставал. Те же люди, что пытались задержать Ноэль, теперь уступали ему дорогу.

– Прочь! – закричала Ноэль пуристу с его табличкой «покайтесь». Он не шевельнулся, так что она задела его плечом.

Пурист и его знак завертелись, как флюгер. Но это сработало в пользу Ноэль, хоть она и потеряла скорость и вынуждена была поднырнуть под паланкин, который несли четверо мужчин, – все это выглядело так, будто она намерена взять влево, к мосту. И она услышала, как пурист кричит, что она собралась пересечь канал.

Так что она не взяла влево, как планировала. Вместо этого она развернулась на каблучках и ринулась обратно в толчею, молясь, чтобы монах послушал пуриста и пошел по указанному пути. Молясь, отчаянно молясь, чтобы он не учуял запах ее крови.

Она надвинула капюшон обратно и понеслась. Впереди был еще один перекресток – широкая оживленная улица с востока на запад, до второго моста. Ей придется бежать до конца, все время прямо...

Или нет. Перевернув телегу с дровами и стремительно обогнув прилавок с сыром, она внезапно ощутила под ногами пустоту.

Ноэль широко раскинула руки, балансируя над зелеными илистыми водами неучтенного канала, почти так же забитого людьми на лодках, как и улицы.

Затем под ней скользнула длинная плоскодонка, и Ноэль мгновенно оценила ситуацию. Низкая палуба завалена сетями. Плящущийся вверх рыбак.

Ноэль перестала удерживать равновесие. Вместо этого она подалась вперед.

Мимо засвистел ветер. Белое кружево сетей схлопнулось. Теперь она была на палубе, опиралась коленями на доски и хваталась руками за воздух.

Что-то порезало ее ладонь. Ржавый багор, поняла она, прежде чем поднялась на ноги. Лодка резко накренилась. Рыбак заорал, но Ноэль уже прыгнула на другое проходящее мимо судно – низкий паром с красным навесом в оборках.

– Берегись! – крикнула Ноэль, хватаясь за балюстраду. Она подтянулась – пассажиры потрясенно попятились. Кровь запачкала столбики перил. Ноэль смутно надеялась, что горящая рана не облегчит ведуну Крови ее поиски.

Она пересекла палубу парома в четыре прыжка – похоже, присутствующие так же сильно хотели, чтобы она скорее убралась, как и сама Ноэль. Она взобралась на перила, сделала вдох и прыгнула на следующую лодку – на этот раз полную макрели.

Под ногами хлопнуло, и она внезапно обнаружила, что лежит в месиве из серебристой чешуи и подернутых слизью рыбьих глаз. Рыбак закричал на Ноэль – скорее недовольно, чем от удивления, и она поднялась. На нее надвигалась черная рыбацкая борода.

Она толкнула мужчину локтем в живот, как раз когда они поравнялись с лестницей, на которой толпились рыбаки с удочками.

Мощно спружинив, Ноэль оказалась на одной из плиточных ступенек. Ни один из рыбаков не протянул руку, все только отшатнулись. Один даже замахнулся на нее удочкой; его Нити были перепуганно-серыми. Ноэль пыталась удержать равновесие на ступеньке.

Она схватилась за конец удочки, которой рыбак пытался попасть ей по голове. Его Нити вспыхнули ярче. Он попытался отобрать у нее снасть – и вместо этого затащил ее повыше. «Спасибо», – подумала она, шагнув по лестнице. Оглянулась и увидела кровь на камнях. Ее ладонь кровоточила намного сильнее, чем можно было судить по ноющей боли.

Ноэль вышла на улицу. Мимо проплывала толпа, а она пыталась сосредоточиться на дальнейшем плане действий. Все ее расчеты полетели в тартарары, и Ноэль нужно было немного времени, чтобы подумать. В спонтанности она была полный ноль – вот почему в таких ситуациях роль лидера принадлежала Сафи. Ноэль всегда терялась, если не было времени на раздумья.

Но у нее была минута, пока она стояла возле канала и прятала окровавленную руку в вонючий плащ. Нити окружавшего ее мира то угасали, то начинали светиться ярче.

Широкая дорога. Основной путь из города, как и канал вдоль улицы. Движение было в обе стороны. Мужчина вел мимо оседланную кобылу пегой масти. Лошадь казалась свежей.

И Ноэль нужна была эта кобыла. Она стремительно сдернула плащ и накинула его на голову мужчине, а сама вспрыгнула в седло, надеясь, что прижатые уши лошади означают готовность к скачке.

– Мне очень жаль, – крикнула она, пока мужчина пытался выбраться из-под плаща. – Я отправлю ее обратно! – Затем она пришпорила лошадь, и мужчина остался позади.

Кобыла пошла быстрой рысью сквозь уличную толчею. Ноэль бросила взгляд на другой берег канала... И увидела, что Ведун крови наблюдает за ней. Расстояния между лодками теперь стали больше, и он не мог перебраться через канал так, как это сделала Ноэль.

Но он ухмылялся ей. Он быстро помахал пальцами и постучал по правой ладони.

Он знал, что она поранила руку, и показывал, что может выследить ее. Что он будет выслеживать ее с такой же ужасающей ухмылкой.

Ноэль отвела взгляд от его лица, сосредоточившись на дороге, и прижалась к конской спине. Она пришпорила лошадь еще сильнее и молилась, чтобы Мать-Луна, или бог Нубреваны, или кто угодно еще помог ей выбраться из города живой.

* * *

Несмотря на цветы и банки с благовониями, расставленные по особняку мастера Шелковой гильдии, Сафи отчетливее всего чувствовала запах ближайшего канала. Но ей нравился этот запах нечистот, плесени и птичьего помета. Он отвлекал ее от того, что бушевало внутри, пока она разглядывала сад сквозь стену из кусочков стекла.

Сафи проследовала за лакеем по светлым и просторным коридорам, устланным коврами, а затем поднялась наверх, в спальню, где стояла кровать с ворохом роскошных шелковых платьев на ней. Она вошла в комнату с опаской, но там было пусто. Лакей удалился. Тогда Сафи подошла к окну и принялась барабанить по нему пальцами в неистовом ритме своего сердца.

Ей нужно было бесстрастное лицо Ноэль, чтобы удержать Сафи в текущем мгновении, чтобы она не возвращалась с дрожью к мертвому, покрытому гноем лицу Герога. К ярости Хабима. К этой ужасной, неизбывной ненависти, которая проросла сквозь ее тело.

Позади послышались шаги. Она повернулась, чувствуя, как перехватило дыхание.

Но это был не дядя Эрон. Это был Мустеф. Слава богам.

Но облегчение Сафи было недолгим. Когда старый наставник вошел в комнату, его тонкие черты сложились в жесткую маску, а движения были порывистыми и резкими. В руках он держал знакомый побрякивающий саквояж.

– Так вот что вы задумали в наше отсутствие? – Мустеф бросил сумку на кровать, а Сафи даже не попыталась поймать ее, хотя проводила взглядом, чтобы понять, на месте ли книга Ноэль.

Она была на месте: кожаные уголки торчали наружу.

– Я учил вас искусству слов и уловок не для того, чтобы вы стали грабителями, Сафи.

Долговязый Мустеф навис над девушкой, заслоняя собой книгу. Сафи могла лишь смотреть в его темные горящие глаза.

Она набрала воздуха в легкие и расправила плечи. Как и Хабим, Мустеф был одет в серо-голубую ливрею дома Хасстрель.

Он схватил ее за подбородок, как делал тысячу раз, когда она была ребенком. Повернул голову влево, вправо, ища царапины, ушибы или признаки того, что она заплачет. Но она была цела и невредима и плакать не собиралась.

Выпустив ее, он отступил на шаг.

– Хорошо... что Разрушенный тебе не повредил.

От этой единственной фразы выдержка оставила Сафи, и она обняла наставника. Она всегда предпочитала Мустефа Хабиму и знала, что он связан с ней Нитью сердца более прочной, чем с кем бы то ни было еще. Они были родственными душами, она и Мустеф. Склонны скорее действовать, чем думать; скорее смеяться, чем хмуриться. Так что Мустеф мог злиться как угодно сильно – Сафи знала, что это пройдет.

– Что, черт побери, происходит? – пробормотала она, уткнувшись в его воротник, на котором была вышита горная летучая мышь Хасстрелей. – Хабим отослал Ноэль, а она почему-то подчинилась.

Сафи высвободилась и, прежде чем снова посмотреть на Мустефа, бросила мимолетный взгляд на книгу.

– Твой... дядя в бешенстве.

– Разве он не всегда такой? – Она махнула рукой и развернулась к кровати, чтобы вытащить книгу.

Но Мустеф заступил ей дорогу и повысил голос.

– Это серьезно, Сафи, ты должна понять. – Он взял с кровати одно из платьев. Фисташковый шелк заиграл в лучах послеполуденного солнца. – Вечером ты ему нужна.

– Нужна я или моя магия? – Она посмотрела на платье. К ее неудовольствию, оно было довольно красиво. Сафи и сама купила бы такое, будь у нее деньги.

– Ему нужна ты, – сказал Мустеф. – Вечером будет бал, посвященный завтрашнему открытию Военного саммита. Как ожидается, там будет вся знать трех империй, в том числе женщины и дети. Как знак всеобщего мира.

Сафи нахмурилась. Она наконец получила ответ, но он вызвал еще больше вопросов.

– А зачем на саммите я?

– Потому что... – пробормотал Мустеф, снова взглянув на платье. Пренебрежительно покачав головой, он бросил его на кровать. – Вполне возможно, будет заключено еще одно Двадцатилетнее перемирие. От знати ожидают участия в переговорах. В том числе и от тебя.

По коже Сафи побежали мурашки. «Ложь», – утверждала магия.

– Не ври мне, – сказала она тихо. Беспощадно. – Хабим упомянул что-то о плане, который вынашивается уже двадцать лет. Я хочу знать, в чем он состоит.

Когда Мустеф не ответил, а занялся другим платьем, более пышным, из бледно-розовой материи, и на пробу приложил его к Сафи, она оскалилась.

– Вы не можете отослать мою сестру по Нити и не объяснить почему, Мустеф.

– Вообще-то, Сафи, – он бросил платье обратно в ворох, – не забывай, что в первую очередь ты сама виновата в случившемся.

Сафи дернулась, как от удара. Правда, правда, правда...

– Расскажи мне, – процедила она, сжав челюсти, чтобы преодолеть головокружительный напор магии. Волоски на шее встали дыбом. В горле запершило. Но Сафи знала о своей вине перед Ноэль, и единственный способ все исправить – это получить ответы на вопросы.

Мустеф смотрел на Сафи несколько долгих секунд, такой же неподатливый, как его Нить сердца. Затем он расслабился – похоже, простил ее.

– Большие шестерни пришли в движение, Сафи. Шестерни, которые многие годы отлаживал твой дядя и другие. Война возобновится через восемь месяцев. Мы... не можем позволить этому случиться.

Сафи откинула голову. Это был не тот ответ, которого она ожидала.

– Вы пытаетесь остановить Великую войну?

«Ложь», – толкнула ее магия.

Она попятилась еще дальше. Быстро заморгала, будто свет бил в лицо.

– Вы пытаетесь выиграть в ней, – прошептала она, и магия обожгла ей кожу: «Правда». Защищала и зацарапалась, как грубый шерстяной плащ.

Сафи покачала головой, наступая на Мустефа, который предпринял еще одну попытку подобрать ей наряд.

– Я не понимаю, – сказала она, отпихивая от себя серебристый шелк. – Объясни мне, почему и как ты или дядя можете повлиять на исход Великой войны?

– Скоро узнаешь, – ответил Мустеф. – Теперь умойся, а вечером надень вот это.

Слова Мустефа тускло мерцали магией. Когда он отложил серебристое платье, Знак магии на его руке – полый круг Эфира и литера «W» как знак принадлежности к магии Слов – слегка светился.

Ноздри Сафи раздулись. Она отобрала у него платье, чья тонкая ткань ускользала сквозь пальцы, как морская пена.

– Не трать на меня свою магию.

Кое-какие ее магические способности нейтрализовали магию Мустефа.

В ответ Мустеф лишь хмыкнул, будто знал больше, чем она догадывалась. Затем он изящно развернулся и направился к двери.

– Скоро придет горничная, чтобы помочь тебе помыться. Не забудь про уши и ногти!

Сафи показала спине Мустефа средний палец, но маленький жест неповиновения пропал впустую. Тщетно. Ненависть и гнев, переполнявшие ее в экипаже, снова просачивались наружу, как почерневшая кровь Герога...

Нет, она не будет думать о нем. Вместо этого подумает о Ноэль.

Сердце ее пронзила тоска. Думать про Ноэль было еще хуже. Мысль о потере сестры по Нити переполняла каждую клеточку тела Сафи. Ее кулаки обрушились на нежный шелк. Она била, била и била без конца.

Она подвергла Ноэль опасности. Что, если той на этот раз не удастся покинуть поселок? Сафи никогда не простит себя за то, что Ноэль пришлось туда отправиться.

И... что, если и Ноэль ее никогда не простит?

Сафи сплотнула и бросила наряд на кровать. Потом ее глаза остановились на уголке каравенского фолианта. Она могла бы исправить ситуацию. После того как она разгадает сообщение Ноэль, Сафи определит противников – дядя, ведун Крови, стража, – затем оценит местность – Венъяза, поселок Миденци, корабль на юг, – а затем...

Затем Сафи сможет все это исправить.

Глава 7

Мерик уставился на три миниатюрных корабля на его столе с картами. Они были точными копиями далмоттийских галеонов с их округлым корпусом.

Мерику хотелось выбросить эти чертовы вещицы в открытое окно. Возможно, тогда его четыре капитана наконец-то поняли бы, насколько он против их пиратской затеи. Словами их не переубедить, так почему бы не применить немного магии Ветра?

Но нет. Мерик не был сильным колдуном, и его волшебство зачастую оборачивалось против него самого. Ему было всего семь лет, когда отец отправил его на Магический экзамен. Король Серафин был уверен, что вспышки гнева Мерика – это признак большой магической силы. Король и принцесса могли управлять знаменитой яростью Нихаров, почему тогда она неподвластна Мерику?

Но его вспышки гнева не были признаком силы. Мерика едва ли можно было назвать человеком, достойным Знака магии, и королю Серафину едва удалось скрыть перед экзаменационной комиссией свое недовольство.

В карете, по пути назад в Ловатцкий дворец, именно тогда, с новой меткой, которая все еще горела на тыльной стороне его руки, Мерик резко ощутил, насколько сильно от него отдалился отец. Ощутил, что слабый, вспыльчивый принц не может быть полезен своей семье. Мерик был отослан к своей тете, от которой отреклось семейство Нихар. Она обитала на юго-западных родовых землях. Спустя четырнадцать лет Мерик научился сдерживать ярость, которая постоянно подогревала его кровь. Его отец с сестрой, дед и тетка – все они умели ее контролировать. И их абсолютно спокойные, но смертоносные решения пугали еще больше.

Мерик хотел быть таким. Он даже думал, что он станет таким, а иначе зачем отец назначил его адмиралом? И почему его сестра Вивия поддержала это решение?

Для Мерика это была честь, на которую он не мог надеяться даже в самых смелых мечтах.

Но сейчас в груди снова вскипело непреодолимое желание закричать и все разрушить, потому что люди не понимали, что нужно делать. Его капитаны не прислушивались к голосу разума.

Что хуже всего, Мерик знал – непонятно откуда, – что это было только начало. В ближайшие дни события обрушатся лавиной.

Свет фонаря мерцал на лицах четырех капитанов, он освещал комнату чуть ярче косых лучей заката, падавших в открытое окно. Ветер доносил до Мерика отдаленные голоса, грохот телег и стук копыт.

Принц знал, что нужно закрыть окно.

Капитан Дза повысил голос, чтобы перекрыть шум вечерней сутолоки и объяснить, как нападение в подходящий момент на торговые суда Далмотти может привести к добровольной сдаче груза. Но в каюте Мерика было слишком жарко, чтобы преградить путь воздуху, задвинув щеколду. К тому же масло в лампе сильно чадило, распространяя вонь еще более отвратительную, чем сточные каналы Веньязы.

Мерик считал, что лучше экономить, используя вонючий животный жир, нежели платить огромные деньги за заколдованные фонарики, которые не чадят. Еще один вопрос, в котором его мнение расходилось с мнением капитанов.

Один из многих.

Ни разу за двадцать один год жизни Мерик не видел, как его отец кричит на своих капитанов. И потому в первый свой день в качестве командующего Мерик принял решение, что он тоже никогда не станет кричать. Кроме того, король Серафин всегда прислушивался

к ним, а когда не был согласен с их мнением, приводил аргументы. Спокойно. Логично. В случае особо важных решений Серафин всегда ставил вопрос на голосование.

Мерик решил, что будет таким же разумным и спокойным. Логика должна была склонить этих ведунов Прилива, капитанов, на его сторону.

Но сегодня все это не работало, и в момент, когда капитан Хайет оскалил зубы в очередной ухмылке, Мерику захотелось скормить здравый смысл, спокойствие и свободу слова акулам.

И ему очень хотелось дать Хайету в зубы.

Вспышка гнева была неизбежна, и он обратился к Куллену. Задачей первого помощника капитана была поддержка дисциплины среди моряков и контроль выполнения всех поручений. Но с тех пор как три года назад Мерик возглавил военный корабль (пусть и с экипажем вдвое меньшим), он привык, что Куллен справляется со всеми проявлениями ярости на борту.

Что-то бесконечно пугающее и убедительное было в том, как элегантный Куллен вкрадчиво улыбался...

А потом выбивал воздух из легких провинившегося.

В эту минуту Куллен лишь показал свое недовольство, охладив воздух так, что пар повалил изо рта. Пока Мерик ждал завершения видимости дискуссии между капитанами по поводу предложения Хайета, его лицо застыло, а взгляд стал ледяным.

– Пиратский флаг приведет в ужас иностранные флотилии, – сказал капитан Бэрн и нервно заморгал, посмотрев на Мерику. Он был самым молодым капитаном, хоть и на десять лет старше адмирала, с буйно выющимися волосами и шрамом, пересекавшим губы и подбородок. Серебряные пуговицы на камзоле – серебряные, для обозначения статуса капитана – были криво застегнуты и вечно в пятнах.

Это выводило Мерику из себя – ему хотелось собственноручно застегнуть их заново.

– Хороший способ возобновить Великую войну, – сказал Бэрн, моргая. – Достойный.

– За исключением того, – ответил Мерик тусклым голосом, – что мы здесь для мирных переговоров. И хотя я согласен с тем, что пиратский флаг когда-то был эффективным методом запугивания, с тех пор прошло несколько столетий. С тех пор флотилии империй уничтожили нашу.

Мерику было тяжело смотреть на Бэрна. Да, как адмирал, он должен быть выше мелочной неприязни, но ничего не мог поделать. Капитан хотел уже склониться на сторону Мерику, но Хайет подавил его порыв – пользуясь возникшим у Бэрна в последние недели недоверием к опыту принца. Один капитан Себер остался на стороне Мерику. Это был пожилой человек, напоминавший бульдога с обвисшей челюстью. Но и он, к сожалению, не стал спорить с капитаном Хайетом.

Себер откашлялся и поднял узловатую руку.

– Да? – произнес Мерик. Ему не нравилось, как Себер поджимает губы.

– Адмирал, никто не верит, что соглашение о Двадцатилетнем перемирии будет продлено.

Напыщенный тон старого Себера отозвался в ушах Мерику. Заставил сердце уйти в пятки.

Его единственный сторонник покинул судно. Если вопрос будет поднят на голосование – он знал, что Хайет будет на этом настаивать, – Мерик потерпит поражение. Пиратство победит.

Когда-то ему казалось, это благородно – нападать на торговые корабли, чтобы накормить бедных, а дома у камина рассказывали чудесные сказки о старых пиратах.

Но Мерик знал и другое. Воровство у богатых все равно оставалось воровством, и сказать, что они будут избегать насилия, было проще, чем от него воздержаться.

– И, – продолжил Себер, – сейчас кажется... маловероятным, что снова начнется торговля...

– У меня намечена еще одна встреча, – возразил Мерик, – С Шерстяной гильдией.

– Которая закончится ничем, – пробормотал Хайет. Бросив взгляд на Мерику, он добавил уже громче: – Я думал, вы хотите накормить своих людей, адмирал.

В груди Мерику заискрило. Он разжал кулак, оперся на стол и наклонился к Хайету.

– Никогда, – прорычал он, – не сомневайтесь в моем желании накормить Нубревену, капитан.

Назревала буря. И желание выбить зубы Хайету становилось все сильнее.

Но Куллен предостерегающе поднял густые брови. Воздух охладился еще больше, и Мерик заставил себя сдержаться. Он стиснул челюсти, чтобы подавить ярость семейства Нихар.

Наконец он процедил:

– Добыть пропитание для моего народа – моя единственная цель здесь, капитан Хайет. Не забывайте об этом.

– Что ж, – Хайет развел руками. – Я предложил вариант добычи пропитания. Способ преподать урок империям – не нарушая подписанное королевой соглашение о Двадцатилетнем перемирии.

– То, что вы предлагаете, – грубо ответил Мерик, – это разбой.

– Все, что я предлагаю – уравнивать шансы.

Слова Хайета резали, словно клинок.

– И позвольте напомнить, адмирал, что, в отличие от вас, я на самом деле воевал. И, в отличие от вас, я присутствовал на Военном саммите и раньше, я видел, как империи пытаются раздавить нас своим каблуком. Это, – он указал на три миниатюры на карте, – это способ нанести ответный удар. Вернуть могущество Нубревены. Говорите что угодно, но вы упускаете эту возможность, *принц*.

Лишь только он произнес это слово, температура в каюте сильно упала. Куллен вскинул руку. Быстрее, чем Мерик успел что-то сделать, Куллен перекрыл Хайету воздух.

– Вы должны обращаться к своему адмиралу подобающим образом. – Куллен сжал пальцы. Хайет выпучил глаза и беспомощно открыл рот. – Он для вас адмирал Нубревенского королевского флота Мерик Нихар, пока мы не ступим на родную землю. Это понятно?

Хайет не двигался, его глаза сверкали, а лицо покраснело.

– Это понятно? – взревел Куллен, и магия окутала помещение. Затрещал огонь фонаря, а окна задрезбужали.

Хайет судорожно кивнул. Кулак Куллена слегка разжался. Достаточно для того, чтобы капитан вздохнул.

И прохрипел:

– Да... Адмирал.

Куллен отпустил Хайета. Тот упал вперед, уцепился за стол, а затем, хватая ртом воздух, обратил свой язвительный взгляд на Мерику.

– Сражайтесь в своих битвах самостоятельно, адмирал.

– Только когда они стоят моего времени.

Мерик отвел от Хайета бесстрастный, как он надеялся, взор и посмотрел на остальных капитанов.

– Кто еще хочет высказаться по этому вопросу?

Молчание. Никто не пошевелился. Даже все еще полный презрения, задыхающийся Хайет.

Мерик бросил полный надежды взгляд на Себера, но тот явно был на стороне Хайета.

Принц не мог ничего поделывать, но пытался понять, не упустил ли он каких-то важных моментов. Может, это действительно был шанс для Нубревены? Может быть, существовала какая-то грань, которая отделяла воровство ради наживы от воровства ради выживания?

Мерик взглянул на Куллена, который медленно и бесстрастно ему подмигнул. Этот знак был одним из множества, что Куллен подавал Мерику тысячу раз в день.

Знак, говорящий, что надо ждать.

Первый помощник был прав. Мерику не нужно ставить вопрос на голосование прямо сейчас.

Хайет хотел атаковать далмоттийские галеоны до разгрузки, в период высокого ночного прилива, а это означало, что у Мерики было время на завтрашнюю встречу с Шерстяной гильдией. Если он сумеет открыть это торговое направление, получит козыри против поднятия пиратского флага.

Казалось, сам бог одобрил идею Мерики: прежде чем принц произнес свои заключительные слова, раздался стук в дверь каюты.

Райбра, девушка, живущая на корабле, возлюбленная Куллена, заглянула внутрь.

– Адмирал? Простите, что прерываю, сэр, но это срочно. Здесь человек, который хочет увидеться с вами. Он похож на марстокийца, но говорит, что представляет фон... – она поморщилась, – фон Хасстрелей. Из Карторры. И он хочет обсудить торговлю с Нубревеной.

Мерик из последних сил пытался совладать с собой – только бы не разинуть рот и не выпучить глаза.

Торговля... с Карторрой.

Она действительно так и сказала? Боже, ты это слышал?

Мерик откашлялся и повернулся к своим капитанам, силясь сохранить невозмутимость, но знал, что ему это не удалось. Он почувствовал, как губы дернулись, будто вот-вот расплывутся в улыбке.

– Объявляю заседание закрытым, – провозгласил он, скользнув взглядом от одного загорелого, освещенного фонарем лица к другому. – Мы продолжим позже. Сейчас возвращайтесь на свои корабли и готовьтесь к сегодняшнему балу.

Затем он бросил свой взор на Райбру, не в силах больше бороться с улыбкой.

– Приведи этого человека ко мне, Райбра. Немедленно.

* * *

Ноэль приблизилась к поселку Миденци, как только солнце начало садиться за западные холмы и слепящие лучи прекратили свое кроважадное пиршество. Когда главная дорога опустела достаточно, чтобы можно было набрать скорость, она погнала кобылу свободным галопом.

Ладонь еще долго продолжала кровоточить, но она оторвала кусок оливковой ткани от юбки и крепко обмотала руку. Каждый раз, когда кровь пропитывала всю ткань, она отрывала еще немного и плотнее перевязывала рану.

Ноздри у кобылы покраснели еще до того, как они покинули город, но уши она держала бодро, так что Ноэль не позволяла ей сбавлять ход. Только когда они были уже в миле от Венязы, она предоставила лошади самой выбирать темп. Через каждые несколько вдохов Ноэль оглядывалась, высматривая погоню.

Она не могла встретиться с ведуном Крови в одиночку. Он был слишком быстрым, и от его глаз, в которых под алым таилось светло-голубое, в груди у Ноэль холодело. Мурашки бежали по спине. Если этот монах учует ее запах, начнет охотиться на нее, он потащит за собой всю городскую стражу.

Сбежать во второй раз будет невозможно.

Но по крайней мере стены и ловушки поселка Миденци будут держать ведуна на расстоянии. Худшее, что могли сделать номаци, – снова избить ее, а вот Ведун крови был способен на более страшные вещи.

Но так ли это? Ноэль вспомнила странное чувство, возникшее, когда она впервые встретила его взгляд. Когда она спросила себя, может ли он навредить ей. По всей видимости, ответ был – «да». В конце концов, он был демоном. Он пришел прямоком из Пустоты и жаждал смерти. Но после сегодняшней ночи, по словам Хабима, ведун будет не опасен.

Только на одну ночь, повторяла она себе снова и снова. Один раз проплывут по небу луна и звезды, и Ноэль сможет вернуться к Сафи. Они сядут на корабль, идущий к Сотне островов. Смогут, наконец, начать новую жизнь.

Одна ночь, одна ночь, одна ночь. Хлыст Ноэль щелкнул, и лошадь помчалась галопом, а затем карьером.

Наконец, в двух лье от границы города, когда лошадь потемнела от пота, Ноэль пустила ее рысью. Лишь ночь, лишь ночь, лишь ночь. Вот что отбивали копыта.

В такт ударам в груди Ноэль пульсировала надежда на то, что Сафи будет ждать ее завтра на перекрестке. Что Ноэль никоим образом не подвергла Сафи опасности, направив ее к старому маяку. Импровизация не была ее сильной стороной – и это сообщение через Хабима тоже было непродуманным и поспешным.

Ноэль достигла ольховой рощи, остановила лошадь и соскользнула с седла. Поясница ныла. Она не ездила верхом неделями, а на такой скорости – месяцами. Она все еще чувствовала, как зубы стучат от галопа. Или, может быть, это был гул цикад в зарослях боярышника.

За поросшей кустарниками опушкой леса на мили растянулось поле. Трава и дикие цветы были Ноэль по пояс, а лошади по грудь, а солнечный свет превращал заросли в море мерцающих огоньков. Хотя казалось, будто Ноэль просто следует за звериной тропкой, выходящей сквозь траву, она знала, что это было: тропа номаци. Теперь она двигалась медленнее, вокруг нее высоко и пронзительно гудели насекомые. Ноэль с осторожностью пыталась прочесть знаки своего племени.

Палка, воткнутая в землю, которую она заметила почти случайно, предупреждала об острозубом медвежьем капкане на ближайшем изгибе тропы.

Полянка «диких» вьюнков с западной стороны тропинки означала, что впереди ждет развилка: восточное ответвление приведет в туман ведьмы Яда, а другое – в поселок.

Знак за знаком Ноэль продвигалась вперед. И все это время она молилась о силе духа, чтобы та не покинула ее на пороге старого дома, и молилась, чтобы ловушки оказались достаточно мощными и задержали ведуна Крови.

Империя Далмотти позволила номаци жить так, как им угодно, до тех пор пока их кибитки остаются по меньшей мере в пяти милях за пределами любого города Далмотти. Но они по закону объявлены «животными». Если далмоттиец хотел избить или даже съесть номаци, то ему это не запретят и не накажут за это. Такое раньше случалось. Поэтому сказать, что поселок Миденци неласково встречал гостей, значило бы сильно преуменьшить опасность.

Но они не только стремились удержать подальше чужаков, они пытались сохранить собственный народ. Однако всякий, покидавший поселок, становился чужим, а оказаться чужим – этого номаци хотели меньше всего, даже Ноэль.

По крайней мере, она не хотела этого раньше. Но теперь она сама могла назвать себя чужачкой.

Когда наконец показались сигнальные дубы, маскирующие стены поселка, черные и зловещие в ночной темноте, Ноэль остановилась. Это был ее последний шанс бежать. Она могла бы развернуться и провести остаток своей жизни, никогда не увидев племя снова,

хотя это могла оказаться очень короткая жизнь. Мгновение тянулось долго и мучительно медленно. Она чувствовала, как удары сердца отдавались эхом в ушах.

Ветер шуршал листьями и шевелил края ее юбок. Кобыла запрокинула голову. Затем начала перебирать ногами. Ей нужно было передохнуть. Поест.

Луна поднималась на востоке, освещая Ноэль. Она спрятала свою косу под платком. Женщины номаи носили волосы не длиннее подбородка, а у Ноэль коса отросла до середины спины. Ей необходимо было скрыть это. И, хотя ее нос уже много лет был покрыт веснушками, кожа до сих пор была молочно-бледной.

Обычно Ноэль расстраивало, что она не такая смуглая, как Сафи, но сейчас это было более чем кстати. Женщины номаи старались сохранить свою кожу белой, как луна, которой они поклонялись.

– Назовись, – раздалось на гортанном номайском. Враждебная стального оттенка Нить замелькала слева от Ноэль, а между деревьями можно было разглядеть смутные силуэты арбалетчиков.

Она покорно подняла руки, надеясь, что повязка на ее ладони не слишком заметна.

– Ноэль, – крикнула она, – Ноэль де Миденци.

Дубовые листья шуршали; ветви скрипели. Переливчатых Нитей под деревьями становилось все больше – охранники принялись совещаться.

Крик расколол ночное небо.

Вспорхнули две ласточки.

Крик повторился, и его, безусловно, издал человек, которого Ноэль знала. Девушке показалось, что она падает.

Стремительно падает со скалы, теряя свою отвагу по мере приближения к земле.

«Спокойствие, – закричала она про себя. – Спокойствие от кончиков пальцев на руках до самых пяток. Спокойствие!»

Но она не ощутила спокойствия, пока не раздался оглушительный скрип ворот. Послышались шаги, и женщина в черных одеждах ведьмы Нитей подбежала к ней.

– Ноэль! – воскликнула ее мать, раскинув объятия. Она ступила на траву, вышла на лунный свет, по лицу ее, копии лица Ноэль, текли слезы. Конечно же, лживые слезы, так как настоящие ведьмы Нитей не плачут – а Гретчия была самой настоящей ведьмой Нитей.

Когда она заключила Ноэль в слишком тесные объятия, та заметила, какой маленькой стала мать: макушка еле доставала до носа дочери.

– О Ноэль! – Гретчия громко взвыла... слишком громко. – Ты дома. Я так рада, так рада! – И, еще повысив голос: – Наконец-то ты дома навсегда.

* * *

После того как Сафи вымылась в элегантной, ярко освещенной ванной, она последовала за служанкой с волосами цвета красного дерева в свою комнату, где та помогла Сафи одеться в серебристо-белое платье, а затем уложила волосы. Тугие локоны запрыгали и засверкали в лучах заката.

Сафи было непривычно, что кто-то ее одевает и ей прислуживает, – на протяжении семи лет она справлялась без посторонней помощи. Последнее воспоминание такого рода было связано с Прагой, куда ее пригласили на тринадцатый день рождения принца Леопольда Карторранского. Сафи было двенадцать, она была значительно выше всех остальных девочек, и ей отчаянно хотелось оказаться где угодно, только бы не на этом ужасном балу. Другие молодые доньи и доны вечно шептались о ее дяде, а в предыдущий сезон посмеивались над ее нарядом. Леопольд – или Полли, как Сафи всегда называла его, – никогда не насмехался. Хотя он и держался естественно в центре всеобщего внимания, Сафи знала, что

это всего лишь игра, – магия говорила ей, что это так. Он мог важничать и красоваться, играя имперского принца, но ему нравилось все это не больше, чем Сафи нравилось быть доньей. Так что неудивительно, что он норовил спрятаться в огромной императорской библиотеке, как только у него появлялась такая возможность, и, к счастью для Сафи, когда она бывала в Праге, он всегда брал ее с собой.

Полли наверняка будет на балу сегодня вечером, подумала Сафи, внимательно разглядывая себя в узком зеркале рядом с кроватью. Прошло восемь лет с тех пор, как они виделись в последний раз, в тот день рождения. Это был самый долговязый и самый симпатичный мальчик во всем императорском дворе. Она не могла представить, как он выглядит сейчас – во что эти длинные светлые ресницы и пружинистые золотые кудри превратились у мужчины, которому уже двадцать один год.

Сафи, конечно, тоже изменилась, и нежного цвета платье это подчеркивало. Тугой корсаж облегал ее нетонкую талию и живот, рукава не закрывали длинные руки. Она не была женственной, хотя спадающие юбки делали линию бедер мягче. Косы оттеняли скулы и яркость глаз.

Она повернулась к служанке, прищурившись.

– Это платье сидит идеально. Да?

– Мастер Аликс талантливо управляет с шелком, миледи.

Сафи понимала, что наряд был сшит специально для нее. Она не стала давить на горничную, чтобы та сказала что-то еще. Женщина, вероятно, знала еще меньше Сафи о том, что за чертовщина происходит.

Как только горничная вышла, оставив изумительную белую накидку на кровати, Сафи метнулась к своей сумке и вытащила оттуда каравенскую книгу.

Потом она шагнула к окну, за которым каналы были охвачены пламенем заходящего солнца.

Призрачный розовый свет пробежал по книге, и, когда Сафи откинула скрипучую кожаную обложку, страницы зашелестели. Книга открылась на странице тридцать семь, на ней заблестел бронзовый крылатый лев. Пиастр. Он служил закладкой и располагался там, где Ноэль закончила чтение.

Сафи быстро просмотрела содержание страницы. Вычурным далмоттийским шрифтом перечислялись каравенские монахи – послушники, диаконы, старцы. Потом были описаны подвиды каждого из званий, специальности, которыми монахи владели.

Дверь в спальню распахнулась, но Сафи хватило времени, чтобы запихнуть книгу в сумку до того, как в комнату вошел ее дядя.

Эрон фон Хасстрель был высоким мужчиной, мускулистым и ширококостным, как Сафи. Но в отличие от Сафи, его пшеничные волосы начали седеть, а под налитыми кровью глазами обозначились лиловые мешки. Может быть, когда-то он и был солдатом, офицером, но сейчас стал обычным пьяницей.

И выглядел еще хуже, чем в прошлый раз, когда Сафи его видела.

Эрон остановился в нескольких шагах от Сафи и почесал макушку. На ней почти не осталось волос.

– Так ты пыталась бежать? Глупо с твоей стороны, Сафия. Ты ведь знаешь, что я всегда тебя найду.

– Стало быть, хорошо, что я упрямая, – ответила она резко. – Я просто буду продолжать сбегать, пока ты не сдашься.

– Ты меня недооцениваешь.

«Правда».

Сафи напряглась. Но прежде чем она успела спросить еще о чем-то свою магию – о том, что это все могло значить, Эрон устремил на нее свой пронзительный взгляд.

– Ради Инан, – протянул он, – почему ты такая бледная? Ты выглядишь так, словно проклятая Пустота настигла тебя.

Эрон вскинул голову, и Сафи заметила, что дядя слегка пошатывается.

– Я полагаю, ты волнуешься по поводу сегодняшнего бала.

– Как и ты, – парировала она. – Как ты умудрился так напиться еще до обеда?

Его губы расплылись в улыбке, злобной улыбке. Он критически осмотрел наряд Сафи.

– Мне кажется, ты будешь похожа на карторранскую донью. Хотя это больше заслуга мастера Аликса, чем твоего самообладания. Прекрати сутулиться, ради Инан.

Скорчив гримасу, он подошел к окну и выглянул на улицу.

Сафи прикусила губу от обиды. Но она не могла позволить дяде Эрону унижать себя, как обычно. Вместо этого она расправила плечи и повернулась к нему.

– Итак, почему я здесь, дядя? Все будет идти по привычному для тебя сценарию? Игры в таро, петушинные бои, бордели? Признаться, – она лениво махнула рукой в сторону канала, – мне не хватает практики. Особенно со шлюхами. Боюсь, спрос на здоровую плоть в Онтигуа не так велик. Я не занималась этим с тех пор, как мы в последний раз были здесь восемь лет назад.

– Не валяй дурака, – ответил Эрон утомленным тоном, бросив на нее косой взгляд. – Я уже знаю, что Хабим и Мустеф случайно проговорились тебе. У нас есть планы. Большие планы, которые разрабатывались много лет, множеством людей.

– Множеством людей, – удивленно повторила Сафи. – Что же, мастер, сшивший мое платье, один из них?

Эрон заложил руки за спину.

– Да, и мастер Аликс, и я... Много лет. Как и все люди, замешанные в этом. В том числе и... – Он повернулся к Сафи. – В том числе и ты, Сафия. Сегодня вечером ты должна сыграть крошечную роль. А после ты можешь уйти навсегда.

– погоди, что? – У Сафи отвисла челюсть. – Я могу... уйти?

– Да, – ухмыльнулся Эрон. – Ты и твоя маленькая сестра по Нити можете уплыть в закат, как вы планировали, и я не буду вас останавливать. Вы будете свободны.

Свободны. Свободны. Слова прогремели в воздухе, как финальный аккорд симфонии. Свободны. Свободны. Свободны.

Сафи покачнулась. Это было больше, чем ее ум мог принять, – больше, чем могла принять ее магия. Слова Эрона горели правдой, а другие чувства, скрытые ранее, боролись внутри.

– Почему, – Сафи начала осторожно, боясь, что одно неверное слово может стереть все, что дядя только что сказал, – ты меня отпускаешь? Разве я не нужна тебе в качестве доньи в Хасстреле?

– Теперь уже нет.

Он повернулся обратно к каналу и провел рукой по стеклу. Удивительная снисходительность.

– Титулы скоро не будут иметь значения, Сафия, и посмотрим правде в глаза: ни ты, ни я никогда не ожидали, что ты возьмешь поместье под свой контроль. Ты точно не подходишь для этого.

– А ты подходишь? – Она понимала, что искушает судьбу, но остановиться не могла. – Зачем я потратила семь лет в Онтигуа, если это и был твой план? Я могла бы просто уехать...

– Нет, это был не мой план. – Его плечи напряглись. – Но все меняется, когда война на горизонте. Кроме того, ты переживаешь за Онтигуа? Ты готова научиться защищать и отстаивать его? Я бы сказал, наша сделка полностью устроит тебя, Сафия.

– Ты думаешь? – Она выпрямилась. – Что же, я должна поблагодарить тебя, дядя, ты это хочешь сказать? Я в долгу перед тобой за то, что Хабим, и Мустеф, и Ноэль учили меня? –

Сафи расхохоталась. – Я тебе ничего не должна, дядя, но им обязана всем. Так что же мне мешает уйти прямо сейчас? Выйти отсюда, – она показала на дверь, – и утвердить свою свободу?

– Не будь дурой. – Эрон приподнял светлую бровь. – Ведун крови все еще там, висит у тебя на хвосте, по твоей вине. – Он отнял руку от стекла и понизил голос. – Этот демон не может добраться до тебя, пока ты остаешься со мной. И после сегодняшнего вечера, после того как ты отыграешь роль настоящей доньи перед лицом всех, перед Карторрой, Далмотти, Марстоком, после того как они увидят это, – Ведун крови перестанет быть проблемой. И ты получишь свою свободу.

«Правда», – шепнула Сафи магия. Она медленно выдохнула.

– Как? Как вы избавитесь от монаха?

– Не спрашивай, Сафия, просто прими это. Твоя нелепая сцена с мастером Золотой гильдии чуть не разрушила все, что я задумал.

Он приложил руку к окну, и старые шрамы от ожогов на подушечках его пальцев и на ладони плотно прижались к стеклу.

Сафи ненавидела эти шрамы. Она множество раз видела эти белые рытвины, пока росла. В Праге. В Веньязе. В любом достаточно большом городе, который может похвастаться любителями игры в таро, Сафи наблюдала, как эти руки держали веер карт, а Эрон ждал от нее сигнала – скинуть карты или продолжать.

– Ты не представляешь, Сафия, – произнес Эрон отсутствующим тоном, как будто его мысли скользили вдоль шрамов, как и взгляд, – что такое война. Опустошенные армиями деревни, терпящие крушение корабли, ведьмы, способные воспламенить тебя одной мыслью. Но ты узнаешь очень скоро. Во всех красочных деталях – если не сделаешь вечером то, о чем я тебя прошу.

Слова Эрона были похожи на сказанное Мустефом, за исключением того, что Сафи знала: у ее дяди нет намерения предотвращать Великую войну.

Похоже, он хотел победить в ней. Но это не таро, где лучший набор мастей и званий выигрывал...

Или?..

– Тебе нужно воспользоваться моей магией? – спросила она тихо.

– Нет. – Эрон растопырил пальцы, стекло закрипело, шрамы вытянулись и стали еще тоньше. – Мне просто нужно, чтобы ты сделала вид, что тебя беспокоит что-то, кроме самой себя. Выглядела довольной. Улыбалась. Танцевала. Действовала так, как будто у тебя в целом мире нет проблем. Потом, когда часы пробьют полночь, ты можешь вернуться к своему эгоистичному существованию, которое тебе так нравится, забыв обо всем.

Эгоистичная. Безразличная. «Правда, правда, правда».

– Ненавижу тебя, – прошептала Сафи. Слова вырвались прежде, чем она смогла удержаться.

Эрон улыбнулся ей. Это была та легкая улыбка, которой он награждал служанок и забавных собачек.

– Ты не ненавидишь меня, Сафия. Ты любишь меня... – Он отошел на несколько шагов, лениво разминая руки. – И ты остерегаешься меня. Это рок Хасстрелей, в конце концов. Мы горные летучие мыши, существующие для того, чтобы вселять страх в сердца наших врагов. Не забывай об этом.

Одарив ее еще одной ухмылкой, он резко развернулся на каблуках и зашагал к выходу.

Сафи смотрела, как он уходит. Она заставила себя смотреть ему вслед, на его бодрую походку и широкую спину, а по щекам текли слезы бессильной злости. Она привычно подумала, насколько по-другому сложилась бы ее судьба, если б родители были живы. Если бы брат-близнец дяди Эрона, ее отец, остался доном...

Эрон всегда обвинял Сафи в смерти родителей. Не важно, что она была только младенцем, когда они умерли. Не важно, что она была в Хасстреле, а они на пути к Праге, и не важно, что это аритванские разбойники перерезали им горло, а потом сожгли тела.

В глазах дяди Эрона это всегда будет виной Сафи.

Сафи позволила своему гневу и боли выплеснуться. Она погрузилась в нее на несколько обжигающих секунд. Эгоистичная и глупая? Возможно, она была такой, когда ей приходилось подчиняться дяде Эрону и выполнять его грязные желания, но не тогда, когда дело касалось Ноэль. Когда пришло время искать настоящий новый дом, Сафи была самоотверженной и целеустремленной.

Так что пусть дядя Эрон ведет себя так, как привык. Он дал Сафи шанс на свободу, настоящую свободу, и она не упустит его.

Она снова открыла каравенский фолиант. Пиастр светился, как роза на закате. Эта страница была особенно важной – правда, правда, правда, – и Сафи было необходимо разобраться, почему...

Она водила пальцем вдоль столбика с рангами монахов и их описаниями, пока не остановилась на одном, монахе-целителе.

Целитель, как та монахиня, которая спасла Ноэль, когда она покинула свое племя... Монахиня, нашедшая Ноэль на перекрестке возле старого маяка, к северу от Венъязы.

Перекресток. Маяк...

Ноэль хотела там встретиться. Должно быть, она планировала обойти поселок Миденци – слава богам – и отправиться напрямиком к назначенному месту.

Сафи закрыла книгу. Она откинула голову и обратилась к своей магии. «Правда, правда, правда».

Сафи пока не могла пойти к этому перекрестку – даже если Ноэль уже там и ждет ее. Сафи сперва придется пережить сегодняшний вечер. Она должна была сбить со своего следа ведуна Крови, и дядя об этом позаботится. Затем, не беспокоясь о преследовании, она сможет отправиться на север и найти сестру. Конечно, Ноэль будет ждать ее.

Сафи резко выдохнула и повернулась к зеркалу. Ее дядя хотел видеть послушную донью, не так ли? Пусть так и будет. На протяжении всего детства карторранская знать считала ее тихой, застенчивой девочкой, которая прячется за спиной своего дяди, барабанит пальцами и болтает ногами.

Но Сафи больше не была той девочкой, и хотя дядя мог бы заявить, что мастерство и образование Сафи – его заслуга, Сафи знала, кто отточил этот меч в ее руках. За все, что озадачивало Сафи, причиняло ей боль и ужасно бесило, за все, через что ее заставили пройти Мустеф и Хабим, она должна быть благодарна им. Не Эрону. Ни в коем случае не Эрону.

Сафи расправила грудь, довольная тем, как платье подчеркивает ее плечи. Короткие рукава не скрывали небольших шрамов, заработанных в драке, – тех, которые она забыла обработать целебной мазью.

Она осмотрела свои ладони – с таким количеством мозолей, что она могла бы посоперничать с любым карторранским солдатом.

Сафи гордилась своими руками и не могла дождаться момента, когда вельможные доньи и доны посмотрят на них с отвращением. Когда знать во время танцев почувствует, что ладони шершавы, как песчаник.

На одну ночь Сафи может стать доньей из Карторры. Черт возьми, она будет хоть треклятой императрицей, если это вернет ее к Ноэль, избавит от ведуна Крови, и они смогут поплыть к Сотне островов. В чем бы ни состоял грандиозный план Эрона, она не позволит дяде все испортить. Что бы там ни случилось, Великая война или что угодно еще, Сафи и Ноэль будут далеко, заживут жизнью, о которой всегда мечтали.

После сегодняшнего вечера Сафи будет свободна.

Свободна. Свободна. Свободна.

Глава 8

Оказалось, что идти по залитому лунным светом поселку Миденци одновременно и проще, и сложнее, чем ожидала Ноэль.

Проще, потому что, хотя за семь лет мало что изменилось, все казалось меньше, чем она запомнила. Бревенчатые стены, окружающие поселок, были такими же серыми от непогоды, но сейчас уже не казались непреодолимыми. Просто... высокими.

Круглые каменные дома, такие же коричневые, как и грязь, в которой они стояли, выглядели крошечными. Игрушечные домики с узкими низкими дверями и ставнями на окнах. Будто для кукол, а не для настоящих людей.

Даже дубы, кое-как растущие на пяти акрах поселка, казались куда более тощими, чем помнила Ноэль. Недостаточно большими и сильными, чтобы взбираться по их ветвям, как раньше.

Почему идти по поселку было сложнее, чем Ноэль ожидала, так это из-за людей – точнее, приглушенных оттенков их Нитей. Она следовала за Гретчией к ее дому в центре поселка.

Нити не предупреждали своим мерцанием, что сейчас распахнутся ставни. Что вот-вот покажутся любопытные лица.

То и дело отворялись двери, из которых выглядывали номаци с влажными Нитями, скрученными, как отжатые полотенца.

Каждый раз, когда ставни или двери с грохотом открывались, Ноэль вздрагивала. Каждый раз, когда из-за угла показывался силуэт или кто-то внезапно выглядывал из-за садовой ограды, она съеживалась. Боролась с желанием спрятаться.

Тем не менее, каждый раз Ноэль обнаруживала, что не узнает залитое лунным светом, вопросительно смотрящее на нее лицо или ковыляющего старика, который провожает ее взглядом.

Ноэль ничего не понимала. Новые люди в племени? Нити, выцветшие настолько, что их почти не видно?

Когда Ноэль наконец дошла до круглого дома матери, он оказался таким же поразительно крошечным, как и другие. Хижина Гретчии была устлана теми же оранжевыми коврами поверх все того же пола из широких досок, как помнила Ноэль. Та же печь дымила, если подбросить слишком много дров, и тот же рабочий стол у стены был усыпан разнообразными крошечными, с монету, камешками – хрусталем, лунными камнями, галькой, – но все было таким маленьким!

Когда-то стол был Ноэль по пояс, а теперь достигал только середины бедра – как и обеденный стол у одинокого окна с восточной стороны дома. За печью был люк, через который можно было попасть в земляной погреб – единственное место, достаточно прохладное, чтобы спать далматийским летом, и достаточно теплое зимой, – и люк выглядел таким маленьким, что Ноэль не была уверена, решится ли она спуститься туда. Насколько тесным показалось бы сейчас это темное место? Насколько узкой показалась бы сейчас койка, на которой они всегда спали вдвоем с матерью?

Когда мать направилась в дом, Ноэль держалась позади. В неверном свете фонаря она смогла лучше рассмотреть ее – и увидеть, что Гретчия почти не изменилась. Может быть, лицо немного осунулось, и появилось несколько новых морщин вокруг часто поджимавшего рта, вот и все.

– Идем.

Мать схватила Ноэль за запястье и увлекла ее мимо десятка низких табуреток, привычной мебели в доме ведьмы Нитей, к печи. Ноэль пришлось подавить желание вырваться. На ощупь руки Гретчии были еще холоднее, чем раньше.

И, конечно же, мать не заметила окровавленную повязку на ладони дочери – или, может быть, заметила, но не обращала внимания.

Наконец Гретчия выпустила запястье Ноэль, и, схватив ближайшую табуретку, поставила ее рядом с очагом.

– Посиди, пока я положу тебе боргша. Сегодня там конина – надеюсь, она тебе все еще нравится. Скраффс! Иди сюда! Скраффс!

У Ноэль перехватило дыхание. Скраффс. Ее старый пес.

На лестнице, ведущей в дом, послышался топот лап, и вот пес появился – старый, обрюзгший, спотыкающийся.

Ноэль соскользнула с табуретки. Опустилась на ковер, внутри защекотало от счастья. Что-то теплое скопилось в уголках глаз. Она распахнула объятия, и старая рыжая гончая неуклюже побежала прямо к ней... И вот пес уже тут, облизывает, машет хвостом, тычется поседевшей мордой в волосы Ноэль.

«Скраффс», – подумала Ноэль, боясь произносить имя вслух. Боясь, что от этого неожиданного всплеска чувств начнет заикаться. Противоречивые чувства, которые Ноэль не имела ни малейшего желания переживать, в которых разбираться. Если бы Сафи была здесь, она бы знала, что творится в душе Ноэль... Но Сафи здесь не было, и Ноэль придется переждать ночь, чтобы найти ее.

Одна ночь. Одна ночь.

Ноэль почесала Скраффса за длинными ушами. Их кончики были вымазаны чем-то, похожим на петрушку. «Т-ты кушал боргша, дружок?» – прошептала Ноэль, уткнувшись лицом в шею гончей. От пса воняло, но ей было все равно. По крайней мере, этому осколку прошлого она могла доверять. По крайней мере, от этого существа она не ждала предательства, камней, холодных слов.

Ноэль оперлась спиной на табуретку, все еще почесывая морду Скраффса и стараясь не замечать пленку, которой подернулись его глаза. Седину на морде. То, как обвисло брюхо.

Раздался мелодичный голос:

– О, ты дома!

Пальцы Ноэль замерли на шее Скраффса, глаза смотрели в его глаза. Ее зрение обратилось внутрь, комната и собачья морда расплылись. Может быть, если притвориться, что она не заметила Альму, та просто растворится в Пустоте.

Но конечно, Альма направилась от двери прямо к Ноэль. Как и Гретчия, она носила традиционное для ведьм Нитей черное платье, плотно облегающее грудь и свободно ниспадающее ниже, с широкими рукавами.

– Храни меня Мать-Луна, Ноэль! – Альма уставилась на нее, зеленые глаза в обрамлении длинных ресниц светились удивлением. – Ты копия Гретчии!

Ноэль не ответила. В ее горле застряло... что-то. Гнев, предположила она. Ей не хотелось походить на Гретчию, но Ноэль знала, что так и есть. Практически точное подобие, разница была только в росте.

Она не могла смотреть на то, как Скраффс при виде Альмы радостно виляет хвостом и тычется головой ей в колено, тут же отвернувшись от Ноэль.

– Ты стала настоящей женщиной, – добавила Альма, опустившись на табуретку рядом с Ноэль и рассеянно поглаживая Скраффса.

Ноэль коротко кивнула, измерив холодным и быстрым взглядом соперницу, еще одну ведьму Нитей. Альма тоже стала женщиной. Красивой, ничего удивительного. Угольно-чер-

ные волосы до подбородка – густые и блестящие... Идеальные. Тонкая талия, крутые бедра, женственная фигура... Совершенство.

Альма, как во всем и всегда, была идеальной ведьмой Нитей. Идеальной женщиной номаи. Вот только... Хмурый взгляд Ноэль упал на руки Альмы – на утолщенные подушечки ее ладоней. Мозоли на ее пальцах.

Ноэль схватила Альму за запястье.

– Ты тренировалась с мечом.

Альма напряглась, а затем украдкой оглянулась через плечо на Гретчию, которая медленно кивнула.

– С кортиком, – в конце концов сказала Альма, снова посмотрев на Ноэль. – Последние несколько лет я тренировалась с кортиком.

Ноэль уронила запястье Альмы и отвернулась от нее. Конечно же, Альма выучилась фехтованию. Конечно же, в этом она тоже стала безупречна. Ноэль ничего и никогда не могла сделать лучше, чем Альма. Как будто Мать-Луна заботилась о том, чтобы любой навык, который пыталась отточить Ноэль, Альма тоже приобрела... и довела до совершенства.

Так же как Альма превратилась из рядовой ведьмы Нитей какого-то бродячего племени в Ведьму Нитей поселка Миденци. И теперь Гретчия стала слишком стара, чтобы верховодить, и Альма брала эту роль на себя – и все потому, что Ноэль не смогла этого сделать. Не научилась делать камни Нитей, потому что не могла сдерживать эмоции.

Но Альма – о, Альма была совершенством во всем.

В Карторре, Далмотти и Марстоке целый совет ведунов определял, насколько люди владеют магией, но в поселениях номаи это делала Ведьма Нитей единолично. Еще она объединяла Нити сердца, устраивала браки и семейные союзы. Ведьмы Нитей рисовали узор на ткацких станках человеческих жизней, и однажды Альма станет вождем Миденци, как Гретчия сейчас, а ее идеальные камни Нитей будут распутывать жизни.

– Твоя рука! – сказала Альма, прервав ход мыслей мысли Ноэль. – Ты же ранена!

– Все нормально, – сказала Ноэль, пряча ладонь в складках юбки, – кровотечение остановилось.

– Все равно промой рану, – сказала Гретчия резким голосом. Слишком резким. Вот ее мать и стала снова собой, задумчивой, хмурой, словно в ледяной маске.

Ноэль поморщилась. Вот они, две женщины, чьих Нитей ей было не увидеть, – потому что все они не могут видеть ни своих собственных Нитей, ни Нитей себе подобных. А Альме и Гретчии куда лучше удавалось скрывать свои чувства, чем Ноэль.

Но, прежде чем Ноэль успела попросить, чтобы мать уделила ей минуту наедине, в дверь просунулась черноволосая голова. Затем ее обладатель протиснул в проем свое длинное тело.

– Добро пожаловать домой, Ноэль де Миденци.

По спине Ноэль поползли крупные мурашки. Пальцы Альмы, чесавшие холку Скраффса, напряглись, а Гретчия побледнела.

– Корлант, – начала было она, но вошедший жестом оборвал ее. Он смотрел на Ноэль, не отрывая глаз, а ее бил озноб.

Корлант де Миденци почти совсем не изменился с тех пор, как Ноэль видела его в последний раз. Может, волосы стали реже, на висках появилась седина. Но поперечные морщины на лбу были все такими же глубокими – у Корланта была привычка всегда принимать слегка удивленный вид.

Он и сейчас так выглядел. Приподняв брови, он тщательно рассматривал лицо Ноэль блестящими глазами. Затем шагнул к ней, и Гретчия даже не пошевелилась, чтобы остановить незваного гостя. Альма вскочила на ноги и прошипела Ноэль:

– Встань.

Ноэль встала – хотя и не понимала, зачем это нужно. Гретчия верховодила в племени, а не этот сладкоголосый пурист, который вечно сеял вокруг раздор, сколько Ноэль себя помнила. Это Корлант должен был почтительно замереть.

Он остановился перед ней, глядя сверху вниз из-под опущенных век, а его Нити переливались приглушенным зеленым любопытством и коричневым подозрением.

– Ты помнишь меня?

– Конечно, – ответила Ноэль, сунув руки в карманы юбки и задрав подбородок, чтобы встретить его взгляд. В отличие от прочих членов племени, он был таким же высоким, как в ее детских воспоминаниях. Он даже носил тот же мрачно-серый плащ, который надевал и в те времена, когда Ноэль была ребенком, и ту же самую тускло-золотую цепочку на шее.

Жалкая попытка подражать пуристским священникам – Ноэль на своем веку уже повидала достаточно настоящих священников, обученных в официальных Пуристских объединениях, чтобы знать, как сильно Корлант промахнулся.

Тем не менее, Альма и Гретчия явно проявляли к Корланту почтение. Пока тот изучал Ноэль, они обменивались паническими взглядами за его спиной.

Мерзкий верзила расхаживал вокруг нее, его глаза блуждали. От этого взгляда даже волосы на руках у Ноэль встали дыбом.

– У тебя здесь пятно, – сказал он, щелкнув пальцами по ее розовому шарфу на голове, но, слава Матери-Луне, не сняв его. – Зачем ты вернулась, Ноэль?

– Она планирует остаться, – вставила Гретчия гладким как стекло голосом и скользнула к Корланту. Он прекратил описывать круги вокруг Ноэль и замер.

– Она снова станет моей ученицей, – добавила Гретчия.

– Так ты ждала ее? – резко спросил Корлант, его Нити потемнели и стали теперь мрачно-враждебными. – Ты ничего мне об этом не говорила, Гретчия.

– Это не было известно наверняка, – пискнула Альма, лучезарно улыбаясь. – Вы же знаете, как Гретчия не любит закреплять узор племени, если в этом нет необходимости.

Корлант что-то проворчал, сосредоточив все внимание на Альме. Нити еще больше скрутились в коричневой подозрительности, а глубоко под ними виднелась сиреневая похоть. Затем он пронзил взглядом Гретчию, и похоть прорвалась наружу.

Все внутри у Ноэль застыло. Тревога, царапавшая кожу, проникла теперь глубже. Ввинтилась внутрь, как паразит. Что бы тут ни происходило, раньше такого не было. Корлант был занозой еще во времена ее детства – вечно разглагольствовал об опасностях и греховности колдовства. Всегда утверждал, что Мать-Луна не хотела, чтобы ее дети использовали свою магию, и что истинная преданность богине в том, чтобы отрицать магию. Искоренить ее.

Ноэль всегда игнорировала его, как и остальное племя. До тех пор, пока Корлант не начал ошиваться возле их дома. Пока он не начал умолять Гретчию подарить ему свое внимание. Умолять ее отказать в близости другим неженатым мужчинам из поселка. Полностью отказаться от Нитей и принять Корланта в мужа.

Но, конечно, Гретчия не могла – даже если бы хотела. В племени номаци вступать в брак можно было только в случае возникновения Нити сердца, а Ведьмы Нитей своих не имели. Поэтому они брали в любовники мужчин из племени – партнеров на всю жизнь у них не было. Иногда они заводили несколько любовников, иногда ни одного. Ведьма Нитей сама решала, с кем делить постель...

Но однажды все изменилось, и Гретчия больше этого не решала. В какой-то момент, когда Ноэль была еще ребенком, отношение к старым законам начало меняться. Одинокие мужчины Миденци начали сами требовать секса. Применяли насилие, когда им отказывали.

И Корлант был одним из таких мужчин. Сначала Гретчия игнорировала его. Потом начала придумывать отговорки, апеллируя к племенным законам номаци и к законам Матери-Луны. Но к моменту побега Ноэль Гретчии уже приходилось вешать железные замки

на двери по ночам и платить серебром двум другим своим любовникам, чтобы те не подпускали к ней Корланта.

Иногда, лежа в Онтигуа в своей постели и любуясь луной за окном, Ноэль позволяла своим мыслям улетать домой. Задавалась вопросом, не восстановила ли Гретчия справедливость, как истинная ведьма Нитей, и не выгнала ли Корланта из племени. У него же не было ни друзей, ни единомышленников. То, что он притворялся пуристом, только вызывало подозрения и неприязнь – в конце концов, это было совершенно не в духе номаи.

Но, очевидно, ситуация поменялась, и, судя по всему, Корлант за прошедшие семь лет занял более высокое положение.

– Я предупредил племя о прибытии Ноэль, – сказал Корлант, выпрямившись в полный рост. Его голова почти касалась потолка. – Приветствие должно скоро начаться.

– Как умно с вашей стороны, – сказала Гретчия, но Ноэль заметила, что она поморщилась. Что ее пальцы свела судорога.

Она была напугана. По-настоящему напугана.

– Я была так поглощена возвращением Ноэль, – продолжила Гретчия, – совсем забыла о Приветствии. Нужно ее переодеть...

– Нет, – отрезал Корлант. Он опять посмотрел на Ноэль, взгляд был жестоким, а Нити снова стали враждебными. – Пусть племя увидит ее такой, какая есть – непохожей на нас.

Ноэль опустила голову. Может, она и не могла видеть насквозь свою мать и Альму, но мысли Корланта она читала. Он хотел всей власти. Хотел, чтобы Ноэль подчинялась. Она глухо простонала, опустив голову и согнув колени в непривычном реверансе. Стон шел откуда-то из самого нутра.

Прозвучало это ужасно наигранно, и Ноэль снова отчаянно захотелось, чтобы Сафи была рядом. Сафи бы сыграла все это без проблем.

Но если Альма и услышала фальшь в стоне Ноэль, то не подала виду. Только повернулась к ней, глядя своими огромными зелеными глазами.

– Тебе нездоровится?

– Просто мой лунный цикл, – проскрипела Ноэль, надеясь, что ее запрокинутое лицо отражает всю боль, которую она чувствовала. Встретив взгляд Корланта, она с удовольствием увидела, что его Нити уже побледнели от отвращения. – Мне нужны еще повязки для крови.

– Ах ты, бедняжка! – воскликнула Альма. – У меня есть настойка из листьев малины, она поможет от боли.

– Нужно сжечь твои повязки и переодеть тебя в чистое, – вставила Гретчия, направляясь к Корланту, который, к удивлению и радости Ноэль, пытался к выходу. – Если вас не затруднит закрыть за собой дверь, священник Корлант, мы начнем Приветствие в самом скором времени. Еще раз благодарю за то, что уведомили племя о возвращении Ноэль.

Брови Корланта взлетели вверх, но он не спорил – и не сказал ни слова, просто выскользнул наружу и с грохотом закрыл за собой дверь. Дверь была без навесного замка, но зато исколота там, где железный замок раньше был.

– Хорошая идея, – прошептала Альма, ее счастливое сияние угасло, – на самом деле это ложь, да?

Ноэль кивнула, а Гретчия уже расхаживала перед ней, а затем с силой сжала ее плечо.

– Нужно действовать быстро, – прошептала она, – Альма, принеси Ноэль одно из твоих платьев и найди ведуна Земли, чтобы вылечить ее руку. Ноэль, сними платок. Нужно что-то сделать с твоими волосами.

– Что происходит? – Ноэль была достаточно осторожна, чтобы не повышать голос, хотя сердце уже грохотало под ребрами. – Почему Корлант главный? И почему ты назвала его священником Корлантом?

– Ш-ш-ш. Никого сюда не впускай. – Альма прижала палец к губам, опрометью бросилась к люку подпола и спустилась вниз.

Гретчия поманила Ноэль к своему рабочему столу, а когда та оказалась достаточно близко, сказала шепотом:

– Все изменилось. Теперь Корлант во главе племени. Ему удалось использовать свое колдовство, чтобы...

– Колдовство? – оборвала ее Ноэль. – Он же пурист.

– Не совсем. – Мать повернулась к столу, сметая камни и катушки разноцветных ниток – только богам ведомо, что она искала. – Законы стали гораздо строже с тех пор, как ты ушла, – продолжала Гретчия. – Когда появились слухи о Кукловоде и люди стали разрушаться все чаще и чаще, Корлант вклинивался в племя все глубже и глубже. Теперь люди боятся магии и обращаются за руководством к Корланту, а не ко мне.

Ноэль моргнула. И еще раз.

– Что еще за Кукловод?

Мать не ответила, а на глаза ей наконец попало искомое: она схватила ножницы.

– Нет! – Ноэль сжала плечо матери и заставила ее остановиться. – Я не могу отрезать волосы. Пожалуйста, мама, просто объясни, что происходит.

– Ты должна их отрезать. – Глаза Гретчии, встретив взгляд Ноэль, распахнулись. – У Кукловода длинные волосы, и тут... слишком много сходства. Слава Матери-Луне, тебе хватило сообразительности надеть платок – мы можем притвориться, что волосы и были короткими.

Гретчия придвинула табуретку и указала на нее Ноэль. Та подчинилась, но перехватила руку своей матери, не давая поднести ножницы к волосам.

– Прошу тебя. Объясни.

– Хорошо. Но пока рассказываю, я должна остричь тебя. Корлант пустил слух, что Кукловод – это ты. Вначале, когда ты не собиралась возвращаться, это почти не имело значения, но теперь... Теперь мы должны убедить племя, что это неправда. – Гретчия смотрела на Ноэль. Повисло молчание.

В конце концов Ноэль кивнула, сказав себе, что ей все равно. Это просто волосы, их всегда можно отрастить. Это ничего не значит. Жизнь в Онтигуа закончилась, прошлое нужно отпустить.

Ножницы перерезали первую прядь волос, и дело было сделано. Пути назад больше не было.

– Несмотря на то что Корлант притворяется пуристом, – начала Гретчия, возвращаясь к тому невозмутимому тону, которым она учила, тренировала и рассказывала Ноэль истории на ночь, – он ведун Проклятий. Я поняла это незадолго до того, как ты ушла. Когда он рядом со мной, Нити всего окружающего мира приглушены. Может, ты тоже замечала?

Ноэль моргнула в знак подтверждения – и ледяной холод защекотал ей шею. Потускневшие Нити племени – дело рук Корланта. Она даже не знала, что такое возможно.

– С тех пор как я поняла, кто он такой, – продолжала Гретчия, – и когда увидела, как его колдовство истощает мое, я подумала, что все можно использовать против него самого. Я пригрозила рассказать племени, кто он. В ответ он пригрозил, что лишит меня магии. В конечном счете я сама затянула на своей шее петлю, потому что с тех пор Корлант шантажирует меня всякий раз, как ему что-нибудь от меня нужно.

Гретчия говорила как ни в чем не бывало – как будто все, чего хотел Корлант, – это тарелку боргша или взять Скраффса на день. Но Ноэль знала, что это не так. Она помнила, как Корлант смотрел на ее мать. То, как он стоял в тени возле курятника и наблюдал за Гретчией через единственное окно. Как его пульсирующие фиолетовые Нити заставили Ноэль

слишком рано узнать, что такое похоть, – и что в обязанности ведьмы Нитей входит обращать внимание на определенные желания местных мужчин.

Подумать только, Корлант был ведуном Проклятий, убить чью-то магию для него было так же легко, как для Ноэль видеть чьи-то Нити.

Боги, что случилось бы с Ноэль, если бы она тогда не бежала из поселка? Насколько близко была она к той ловушке, в какую угодила ее мать?

И почему, несмотря на тщательно лелеемое на протяжении семи лет презрение, она все же чувствовала нож, вонзающийся в грудь? Осколок чего-то острого и древнего... Было ли это сожаление?

«Чувство вины, – вмешался мозг. – И жалость».

Ноэль тяжело вздохнула. Она старалась держать голову прямо, пока Гретчия работала ножницами. Пока ее волосы падали густыми прядями. Она не желала чувствовать вину за то, что оставила племя, – и не чувствовала все эти годы, так с чего бы начинать сейчас?

И уж совсем она не хотела испытывать жалость к своей матери. К женщине, которая решила, что для Ноэль будет лучше, если отослать ее навсегда, чем позволить пережить позор несостоятельной ведьмы Нитей. К женщине, которая променяла родную дочь на Альму. Когда появилась Альма, мать игнорировала Ноэль, как могла.

– К-кто, – начала Ноэль, и дрожь в голосе потрясла ее. Она почти чувствовала, как нахмурилась в ответ ее мать, – почти слышала мягкое, но язвительное замечание: «Контролируй свой язык. Контролируй свое сознание. Ведьма Нитей никогда не заикается».

– Кто, – наконец выдавила Ноэль, – такой этот Кукловод, о котором Корлант говорит, что это я?

– Кукловод – молодая Ведьма Нитей, – ответила Гретчия. Ножницы танцевали в волосах – сильнее, быстрее. Локоны рассыпались по полу, как осевший после прилива песок. – Она живет с бандой налетчиков в Аритвании. Каждый проезжающий караван номаи рассказывает немного другую историю, но в основном она повторяется. Они говорят, что ее сила исходит из Пустоты, в отличие от нашей мистической связи с Нитями. Что она имеет власть над Разрушенными. Что в ее подчинении огромные армии из них, а в самом мрачном варианте этой сказки она может возвращать мертвых к жизни.

Холодное пламя охватило плечи Ноэль, дышало ей в шею.

– Как? – прошептала она.

– Отрезанные Нити, – тихо ответила Гретчия. – Она говорит, что может контролировать Нити Разрушенных. Навязать им свою волю, даже когда они умерли.

– Три черные Нити Разрушенного, – прошептала Ноэль, клацанье ножниц внезапно прекратилось. В ту же секунду Альма показалась из подвала с черным платьем в одной руке и белыми повязками – в другой. Она поспешила к печке и тяжело открыла железную дверцу.

– Ты... Слышала об отрезанных Нитях? – спросила Гретчия у Ноэль напряженным, но мягким голосом.

– Я видела их.

Гретчия повернулась к Ноэль. Ее глаза были расширены, а лицо бескровно.

– Когда? Как?

– Только однажды. Не смотри на меня так, мама. Это началось только сегодня. Все странности начались сегодня. С тех пор как я покинула Онтигуа, Нити людей кажутся ярче – мне труднее их блокировать. А потом... Я увидела отрезанные Нити.

– Никому не говори об этом, Ноэль. Ни одна другая ведьма Нитей не видела их. Альма, я – и все ведьмы Нитей – мы думали, что их не существует. Что это такой способ Кукловода напугать людей.

У Ноэль пересохло во рту. Будто он заполнился ватой.

– Вы не видите этих Нитей?

– Нет. Хотя видели Разрушенных. На прошлой неделе мы потеряли Ведьму земли, но я не видела никаких Нитей над ее телом.

– Я д-даже Камня Нитей н-не могу сделать, – выплюнула Ноэль. Она повернулась, чтобы увидеть стол, и щелкнула пальцем по галечным бусинам, нанизанным на леску. – Я даже этого не могу сделать, так почему я единственная, кто видит эти... отрезанные Нити?

Она распробовала эти слова.

Отрезанные.

Нити.

Гретчия молчала, но вскоре снова потянула пряди Ноэль, и клацанье ножниц возобновилось. Несколько мгновений спустя над печкой взвился дымок. Альма вернулась к Ноэль.

Она подобрала черный наряд, традиционный для ведьм Нитей. Черный был цветом всех Нитей, вместе взятых, а по воротнику, подолу и манжетам шли три цветные линии: прямая пурпурная, олицетворяющая Нити, которые связывают. Закрученная зеленая – Нити, которые создают. И прерывистая серая линия – Нити, которые разрушают.

– Как долго ты намерена тут оставаться? – прошептала Альма хриплым шепотом, не громче, чем потрескивал огонь или храпел Скраффс.

– Только на ночь, – ответила Ноэль. Одна ночь. Одна ночь. Она рассеянно взяла в руки темную полоску мрамора длиной с мизинец. В центре вспыхивали рубины, а вокруг них причудливыми петлями и узлами вилась нить, розовая, как закат.

Через несколько камней лежал его двойник. Еще Ноэль приметила вдоль задней части стола сапфиры и несколько опалов.

Только в доме Ведьмы Нитей можно было найти такие дорогие камни, просто так на столе, без присмотра. Но ведьма Нитей знала свои камни, она даже могла следить за ними, и ни один человек из племени номаци не был бы так глуп, чтобы рискнуть украсть их. По крайней мере, семь лет назад они бы не рискнули.

– Нравится? – спросила Альма. Она прислонилась к столу, не спуская глаз с входной двери и плиты, и все время вытирала ладони о бедра, как будто у нее потели руки.

Но ни разу Гретчия не сказала: «Оставь в покое свои руки и встань смирно. Ведьме Нитей не пристало суетиться».

– Это я сделала, – добавила Альма, указывая на Камень Нитей.

Ну, конечно же, сделала. Ноэль никогда не удавалось создать работающий камень, и вот Камень Альмы затмевает любой другой.

– Я сделала его для тебя, – добавила ведьма, и запинка в этой фразе заставила Ноэль пристально посмотреть на нее.

– Для меня?

– Да. Он связан с тобой.

– Это невозможно. Я Ведьма Нитей – ты не можешь видеть моих Нитей, поэтому не можешь привязать их к камню.

– Нет, – прервала ее Гретчия. Она подравнивала кончики волос Ноэль в одну линию с подбородком. Неумолимо. Ужасно. – Альма научилась этому от заезжей ведьмы Нитей. Камень связан с Сафией, а так как она – твоя сестра по Нити, косвенно он связан и с тобой.

Ноэль почувствовала, как ее лоб морщится, а губы кривятся. На лице проступило отвращение – такое бесконтрольное, такое несвойственное ведьмам Нитей выражение, что Ноэль сразу же пожалела, что не держала себя в руках.

– Зачем ты сделала Камень для меня?

Альма вздрогнула, но сразу же вернула лицу невозмутимость и взяла еще один рубин, окруженный розовой нитью.

– Это подарок. К твоему выпуску в следующем году.

– Но как ты привязала его к Сафи? Ты же никогда не встречалась с ней.

Альма открыла рот. Посмотрела на Гретчию, которая закончила со стрижкой.

– Твоя... Твоя мама, – начала Альма.

– Я научила ее, – закончила Гретчия. Она положила ножницы на стол и подошла к печке. – Скоро одежда догорит, а Корлант вернется. Поторопись.

Ноэль сжала губы. То, что сказала мать, совершенно не было ответом на вопрос.

– Тебе следует быть благодарной, – продолжила Гретчия, подбрасывая полено в печь и не глядя на Ноэль. – Альма тяжело трудилась над этим. Три года, даже больше. Рубины, которые ты держишь, засветятся, когда будет угрожать опасность Сафии – или тебе. Вы даже сможете следить друг за другом. К такому подарку не следует относиться легкомысленно, Ноэль.

Жар облизнул лицо Ноэль. Жар гнева. Или жар стыда. Она не была уверена. И уж точно она не воспринимала этот подарок легкомысленно: он был слишком ценен.

Однако Ноэль не намерена была испытывать благодарность к Альме или к матери. Никогда. Совершенно очевидно, что Альма сделала это из чувства вины. В конце концов, это она стала причиной того, что Ноэль отослали и та отказалась от места ученицы ведьмы Нитей. Альма знала это – как и то, что по ее вине Ноэль побили камнями семь лет назад. Это Альма сказала племени, что Ноэль уходит – что она решила стать чужаком, и поэтому племя окружило Ноэль на ее пути из поселка.

Ноэль чуть не умерла тогда, и целая гора камней никогда не искупит эту ошибку.

– Одевайся, – приказала Гретчия, отойдя от огня, – и быстро, пока Альма подметет отрезанные волосы. Скажем Корланту и племени, что ты покидала нас для того, чтобы полностью осознать свои обязанности как ведьмы Нитей.

Ноэль открыла было рот, чтобы заметить, что ее мать не могла иметь двух учениц, а в племени хорошо знали о неудачах Ноэль в колдовстве, но передумала. Альма взялась за швабру, подчинившись приказу, как и положено Ведьме Нитей. Потому что Ведьмы Нитей не спорили, они шли туда, куда вела их холодная логика.

Логика привела Ноэль сюда, так что она будет игнорировать ненависть, страх и боль, будет следовать логике, как ее и учили. Как она делала это постоянно, в Онтигуа, вместе с Сафи.

Сафи. Потерпеть только одну ночь, и Ноэль сможет оставить свою мать и Альму с их петлями, которые они сами же на себя и надели, – и вернуться к единственному человеку, который принимал ее как есть.

Глава 9

Сафи искренне наслаждалась дипломатическим балом во Дворце дождей.

Было трудно не поддаться его очарованию – тепло игристого вина, блеск люстр, свисающих со сводчатого потолка небесно-голубого цвета. К тому же стена вдоль всего балльного зала была украшена сотнями мерцающих стеклышек, сквозь которые можно было разглядеть болотистый берег Яданси. Вид был потрясающим, а светящиеся в гавани фонари и всходявшая, почти полная луна делали его еще прекрасней.

Никогда в жизни Сафи не ожидала, что так легко вживется в роль доньи. Да еще когда вокруг нее столько людей – тепло их тел наполняет зал, а их постоянная ложь будто царапает ее кожу. Все они, в прошлом – дети из ее компании, успели повзрослеть, в то время как их родители состарились... А точнее, растолстеть, ведь их все эти восемь лет поили вином и откармливали марстокийскими конфетами (которые, по мнению Полли, были последним пискom моды).

Сафи была выше многих из них и, несомненно, сильнее, поэтому ее закаленный разум легко отбросил картины трудного детства и старые насмешки. На самом деле она считала, что это ничем не отличается от их с Ноэль мошенничества. Она была правой рукой дяди, когда тот занимался карманными кражами, и понимала, что, возможно, именно тренировки в Онтигуа привели к тому, что он вызвал ее в Веньязу на Военный саммит и попросил притворяться, будто это приносит ей удовольствие.

Она попыталась отбросить эти мысли. Выдержать этот вечер и найти Ноэль через четыре часа, когда куранты пробьют двенадцать, – вот что действительно важно. Тогда она сможет сесть в экипаж, в котором ее будет ждать Мустеф, и уехать навсегда.

Сафи заставила свои ноги встать спокойно (несмотря на то, что она получала удовольствие от вечера, пальцы на ногах беспокойно шевелились) и переключила все внимание на спутника, принца Леопольда Карторранского, наследника императорского престола.

Он вырос настоящим мужчиной, хотя и оставался слишком красивым, чтобы его воспринимали всерьез. Он был, несомненно, самым красивым в комнате, как среди мужчин, так и женщин. Блестящие локоны цвета шампанского, кожа светилась золотом, оттененным легким румянцем на щеках, а длинные светлые ресницы, которые Сафи так живо помнила с детства, густые и изогнутые, красиво обрамляли зеленые, как морские волны, глаза.

Но, несмотря на все внешние изменения, он остался тем же острым на язык, игривым мальчиком, которого она помнила.

Он запрокинул голову, чтобы глотнуть вина. Его кудри колыхнулись, и неподалеку вздохнули несколько доний.

– Ты знаешь... – сказал он вальяжно, отпив вина. Насыщенный баритон с красивыми паузами между словами звучал почти как музыка. – Синий цвет моего бархатного костюма не настолько глубок, как я надеялся. Я специально потребовал «императорский сапфир». – Пауза. – Но я бы скорее назвал его тускло-синим, согласна?

Сафи фыркнула.

– Я рада видеть, что ты не изменился, Полли. Все так же увлечен своей внешностью.

Он покраснел, как и каждый раз в этот вечер, когда она его называла Полли. От этого ей хотелось делать это еще чаще.

– Конечно, я не изменился, – изящно пожал плечами Леопольд. – Мое идеальное лицо – все, что у меня есть, а упорная учеба мне не нужна, ведь в Карторре она нужна лишь для того, чтобы продвигаться вверх.

Он потрепал ее рукой, на которой не было Знака магии. Выражение его лица было самоуничижительным.

– Но ты, Сафия... – Он снова сделал паузу. – Немного изменилась, правда? Это было эффектное появление.

Она отвела взгляд, теперь уже ее щеки зарделись. Не от стыда, впрочем. От смятения. От гнева.

Она прибыла на бал час назад, когда сумерки уже переходили в лунную ночь. Дядя Эрон настоял на том, чтобы они опоздали. Затем по пути во Дворец дождей он достал флягу, прополоскал рот спиртом и сплюнул из окна кареты. Он повторил эти манипуляции еще три раза, пока экипаж не достиг железных ворот дворца. Тогда Эрон взъерошил свои волосы и устремил на Сафи твердый взгляд синих глаз.

– Не подведи нас, – тихо сказал он, прежде чем повысить свой голос до нечленораздельного крика: – Мы... уже на месте?

Это выглядело так, будто лето вмиг превратилось в зиму. Эрон переменялся прямо на глазах у Сафи. Холодный, держащийся как солдат дядя, каким она видела его весь день, превратился в глупо улыбающегося пьяницу. Но ее магия не реагировала. Будто обе версии ее дяди правдивы. Тем не менее, это было не так – Сафи ясно видела, что его опьянение было притворным.

В этот момент тошнотворный, обжигающий ужас скрутил ее внутренности. Ее дядя никогда не был пьян. Настолько это было немыслимо, настолько неохватно и странно для ее разума. Но не было никаких сомнений в том, что увидела Сафи. Дядя Эрон убедил ее, ее магию и всю Карторру, что он не более чем пьяный старый дурак.

И каким-то образом от понимания, что все эти двадцать лет были фальшивым развратом, все стало только хуже – она почувствовала ненависть к Эрону. Сколько раз он тащил Сафи в притоны или заставлял смотреть, как собаки, петухи или мужчины бьются до смерти? Как часто он сознательно использовал ее?

Шагая по каменным дорожкам сада дождей, Сафи была вне себя от злости. Ветви кипарисов шептались на ветру, а вечерние лягушки пели в унисон со сверчками. К тому времени, когда она шагнула в передний зал дворца, злость превратилась в бушующую ярость.

Тем не менее, эти языки пламени только усиливали ее решимость. Она – Сафия фон Хасстрель, и это ее чертова жизнь. Сегодня последняя ночь, когда Эрон пытается использовать ее. Сафи гордо шагала по черно-белому мраморному полу огромного вестибюля дворца, и каждый ее шаг отзывался решительным эхом.

К счастью для нее, остальные доны и доньи уже закончили церемонию заверения императора Хенрика в своей преданности. Они давно были в банкетном зале и не видели позднего прибытия Сафи.

К сожалению, император Хенрик настоял на том, чтобы они с принцем Леопольдом ждали, пока не прибудет последний дон. В итоге они прождали целых полчаса. Самообладание императора было на исходе – теперь Сафи знала, что это было намеренно подстроено Эрону.

И все же, когда Леопольд заметил шагавшую навстречу Сафи, он бросился вперед и остановился прямо перед троном своего дяди, будто ограждая ее от дурного настроения Хенрика, а затем согнулся в очаровательном поклоне. Он даже взял Сафи за руку, когда она присела в низком поклоне, чтобы выразить преданность императору (хвала богам, она забыла, насколько отвратительно выглядел император Карторры).

Леопольд выразил желание лично сопровождать ее на балу, и все было бы прекрасно, если бы не языки сплетников. Она едва удержалась, чтобы не хихикнуть при виде первой же доньи, у которой отвисла челюсть. Как будто все забыли, как однажды они с Леопольдом, будучи детьми, сговорились.

Прежде чем направиться к блюдам с яствами, принц подошел к слуге, подающему игристые вина, и взял два бокала – один для себя, а другой вложил в ее руку.

Какой был пир! Расположенные возле окна столы ломились от тысячи разнообразнейших деликатесов со всех концов империи. Сафи была полна решимости попробовать каждое блюдо, прежде чем бал закончится.

– Ой, что это? – Она указала на серебряную чашу, в которой бурлили шоколадные пузырьки.

– Шоколадный вулкан, – ответил Леопольд, двигаясь к чаше плавным шагом. – Одним из минусов запрета на Огненную магию в Карторре является то, – он сделал паузу, – что мы не можем наслаждаться такими трюками, как этот. – Он сделал знак слуге в бежевом атласном костюме. Тот быстро зачерпнул шоколад и вылил его в вазочку со свежей клубникой.

Глаза Сафи широко раскрылись, но, когда она взялась за вазочку, Лео ловко перехватил ее, улыбаясь.

– Позволь мне помочь, Сафия. Прошло слишком много лет с тех пор, как я тебя видел.

– Прошло слишком много времени с тех пор, как я ела, – начала негодовать Сафи. – Отдай сейчас же, Полли, или я кастрирую тебя вилкой.

На этот раз округлились его глаза.

– Ты вообще слышала то, что сейчас сказала?

Но вазочку с клубникой он ей отдал. Не заботясь о своем шелковом платье (она ведь за него не платила) и взглядах проходящих мимо придворных, Сафи попробовала клубнику и застонала от наслаждения.

– Это божественно, – воскликнула она с полным ртом шоколада. – Она напоминает мне ту, из... – Она замолчала, в груди внезапно потяжелело.

Она собиралась сказать, что клубника напомнила о той, из ее дома. Дом! Как будто горы и долины вокруг усадьбы Хасстрель когда-то были домом, или клубника оттуда хоть раз была такой божественной.

Леопольд, казалось, не заметил, как внезапно замолчала Сафи, хотя... Его взгляд пробежался по разномастным дипломатам. Доньи в хорошо сидящих черных юбках, отделанных оборками, в корсажах с высоким воротом в богатейших оттенках коричневого и их доньи в подогнанных черных жилетах и бархатных кичливых бриджах, надетых словно только для того, чтобы ноги выглядели узловато и нелепо.

На самом деле, Леопольд казался единственным, на ком, бриджи и чулки сидели привлекательно, и, судя по тому, как он хорохорился, подозревал об этом. Чулки показывали, насколько хорошо очерчены его ноги, а синий бархат, императорский или нет, был того же оттенка, что и его глаза.

Сафи с удовлетворением отметила, что ее платье собирало завистливые взгляды. По ее мнению, был только один наряд лучше ее. Принадлежал он Ванессе, императрице Марстока. Белые полосы ткани, драпированные тысячью способов на ее бронзовой коже, и темные волосы, спадающие на оголенное правое плечо. Золотые запонки обрамляли ее Знак магии – квадрат, символизирующий Землю, с вертикальной линией, означающей железо, – а два похожих на оковы браслета охватывали ее запястья. Они должны были подчеркивать, что императрица – слуга своего народа. Она не носила корону и была, по мнению Сафи, исполнена простоты и элегантности.

Хотя Сафи увидела Ванессу только издалека, она сразу же заметила, как ее опущенные плечи выражают скуку. Отличительная черта человека, который мог бы быть в лучшем месте и делать более значимые вещи.

Сафи сразу же попыталась скопировать эту позу, но быстро отвлеклась, заметив пирожные с кремом.

Как будто прочитав ее мысли, Леопольд спросил:

– Вы заметили смелое платье императрицы? У всех мужчин отвисли челюсти.

– Но не у тебя? – спросила Сафи, прищурившись.

– Нет. Не у меня.

От этой лжи по ее коже поползли мурашки, но она не хотела выяснять, почему он солгал, ведь ей было все равно. Если Леопольд желает скрыть свой интерес к прекрасным плечам императрицы, какое Сафи до этого дело?

Губы Леопольда изогнулись в усмешке.

– Хочешь познакомиться с императрицей?

Сафи моргнула.

– А это возможно?

Он посмотрел на нее, будто пытаясь понять, шутила она или нет.

– Ты понимаешь, что ты донья земель Хасстрель? Ты не только можешь познакомиться с императрицей, но и имеешь на это полное право.

От этих слов желудок Сафи взбунтовался против шоколада, клубники и сливок. И что с того, что она оказывалась рядом с императором Карторры несчетное количество раз? Что она болтала с императорским наследником так же легко, как с Мустефом? В Ванессе было что-то гораздо более царственное. Экзотическое. Захватывающее.

Сафи отдала недоеденную клубнику ожидавшему слуге и взяла со стола салфетку. Вытирая губы, она отправилась вслед за Леопольдом, который легким шагом уже вошел в толпу людей. Он шел в северном направлении, в сторону низкого помоста в заднем углу, где настраивали свои инструменты музыканты маленького оркестра.

Было странно, что когда они с Леопольдом двигались через толпу любопытных дворян всех возрастов и национальностей, на всех устах был один явный вопрос. Сафи не могла слышать их бормотание, не могла читать их мысли, но, что бы они ни имели в виду, этот вопрос обжигал резким светом правды. Она затылком и горлом чувствовала, как он мерцает, и ей было чрезвычайно любопытно узнать, о чем же они все говорят.

Сафи скоро забыла о сплетничающих гостях, так как Леопольд приблизился к компании красочно одетых женщин, чьи платья были сделаны из тех же полос драпированной ткани, что и наряд императрицы, и группке живописных мужчин.

«Мужчины из Нубревены», – подумала Сафи, когда ее глаза остановились на черных, длиной до подбородка, волосах и шероховатой от соли, загорелой коже. Их сюртуки были до колен, большинство – штормового синего цвета, хотя двое мужчин носили серебристо-серые. Их хорошо сидящие галифе были гармоничного бежевого цвета, а высокие по колено сапоги – черного. У каждого мужчины, на котором останавливался взгляд Сафи, были широкие моряцкие плечи и самоуверенный развязный вид.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.